

18+

Фэя Моран

РОМАНТИЗАЦИЯ ЗЛА

Manga
gata

Фэя Моран

Романтизация зла

«Mangata»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Фэя Моран

Романтизация зла / Фэя Моран — «Mangata», 2023

ISBN 978-5-6055816-5-9

Все любят Энтони Максвона. Родители гордятся им. Друзья мечтают быть на его месте. Девушки готовы отдать ему своё сердце. Только никто не знает, что за обаятельной улыбкой скрывается чудовище. Когда Аника Снелл получает работу в роскошном особняке Максвонов, её жизнь меняется. Теперь она каждый день находится рядом с человеком, который играет чужими чувствами и жизнями. Но чем сильнее Энтони затягивает её в свой мир, тем сложнее понять, где заканчивается игра и начинается настоящая опасность. Ведь зло не всегда выглядит пугающе. Иногда оно смотрит на тебя красивыми глазами... Содержит нецензурную лексику.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-6055816-5-9

© Фэя Моран, 2023
© Mangata, 2023

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	42
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Фэя Моран

Романтизация зла

© Ф. Моран, текст, 2026

© Издание на русском языке, оформление издательство «Мангата», 2026

От автора

В первую очередь, спасибо каждому, кто осмелился открыть этот дарк-роман.

Во вторую очередь, хочу предупредить вас о триггерах. В этой книге подробно описываются убийства с последующим расчленением, упоминаются психические расстройства и издевательство над ребёнком (психологическое и физическое), присутствуют сцены сексуального характера и много... *очень* много мрачных мыслей главного героя, которым в данном случае выступает самый настоящий злодей.

Главы поочерёдно повествуют сперва от его лица, а затем от его жертвы. Таким образом я хотела показать то, как ловко он меняется для других людей, и то, каким на самом деле является внутри.

На написание этого произведения я вдохновилась биографией сразу нескольких серийных убийц и одной мрачной историей, произошедшей на самом деле.

Однако несмотря на это, все персонажи и события, описываемые в данной книге, полностью вымышлены. Все совпадения случайны.

Надеюсь, вы взяли на заметку все мои предупреждения и далее будете читать на свой страх и риск, либо закроете книгу вовсе.

А теперь приятного чтения – насколько это, конечно, возможно. Спасибо за внимание!

[Когда судья вынес приговор]:

«Подумаешь! Смерть – повсюду!

Увидимся в Диснейленде!»

Ричард Рамирес¹

¹ Американский серийный убийца.

Глава 1

Социопат

Почти каждый четверг проходил среди тупоголовых друзей моих родителей. Их было достаточно много, чтобы я не тратил времени на запоминание каждого имени, но самыми излюбленными их друзьями была семья Лоусонов, проживавших в Найтсбридже.

Обычно мистер и миссис Лоусон, не обременённые работой, ведь за них всё делали их многочисленные помощники, приезжали ближе к десяти часам вечера, и затем целую ночь из столовой доносились идиотский смех и пьяные разговоры об искусстве, музыке, бизнесе и о других разных темах.

Сегодняшний ужин проходил в той самой столовой, куда я не так давно привёл очень сладкую девушку, а потом трахал её несколько часов подряд, делая небольшие перерывы, чтобы просто менять позы. Я до сих пор помню её влажную вагину и упругую задницу, пока она извивалась на моём члене без остановки, желая поскорее кончить.

При подступивших возбуждающих воспоминаниях я поднял голову и поймал себя на том, что не расслышал сказанного миссис Лоусон, постоянно бросающей кокетливый взгляд своих окружённых морщинами глаз на моего отца, будто мы все тут идиоты и ничего не замечаем.

Периодически в столовую входила одна из наших горничных с железным подносом и ставила напитки и блюда перед гостями. Когда же она подходила к моему месту за столом, то судорожно сглатывала, пытаясь незаметно кинуть взгляд в мою сторону. Я это замечал и слащаво ей улыбался, и это она принимала за ответный флирт. Наивная глупышка.

Отец сидел во главе стола и жевал отборный кусок стейка, стараясь при этом чавкать не так громко, потому что его жена – моя мать, – этого на дух не переносила. Сидела она напротив него и, строя из себя настоящую леди, аккуратно вытирала рот белоснежной салфеткой, постоянно бросая взгляд на миссис Лоусон, конечно же, уличив эту старую ведьму в попытке кокетничать с её мужем.

Я старался особо не задерживаться на физиономиях наших сегодняшних гостей, но вот на их очаровательную дочурку, имя которой казалось мне очень соблазнительным, если имя вообще может таковым являться, бросал взоры очень охотно. Особенно на выпуклость её округлых грудей, прикрытых тканью бархатного платья. Весь ужин эта сладкая девушка глазела на меня. И хотя пыталась делать это скрытно, я всё же улавливал её взгляд, когда она словно невзначай поворачивала голову на моего периодически начинавшего говорить отца.

– Тони, может вы с Жаклин пообщаетесь? – произнесла мама, вытянув чуть вперёд свою длинную шею. – А мы ещё поболтаем о своём, старческом.

На её шутку немного все посмеялись. Все, кроме нас с Жаклин. Она засмушалась: об этом говорили её покрасневшие щёки.

Я не был идиотом и прекрасно понимал, к чему проводились постоянные вечерние встречи с этой семейкой. Родители звали их куда чаще, чем, к примеру, проживающих по соседству Томасов или Гринвичей. Эти ужины безумно раздражали мою страсть к уединению.

Глава семьи, Генри Лоусон, являлся наследственным членом Палаты лордов, владел обширными земельными угодьями и старинным поместьем, вкладывал в недвижимость и имел долю в традиционном британском бренде виски. Его жена, Лиззи Лоусон, являлась известным коллекционером и членом правления музея Виктории и Альберта. Их дочь, Жаклин, учится в Оксфорде на экономическом факультете и готовится к управлению бизнесом семьи.

Вот и причина того, почему мои грёбанные родители так цеплялись за возможность получить таких влиятельных сватов; почти столь же влиятельных, каковыми являлись мы сами, наше отличие было лишь в том, что Лоусоны – это «старые» деньги, тогда как мы – «новые».

Для достижения всего этого потока выгодных связей, как всем казалось, существовал лишь один способ – поженить нас с Жаклин, и нашим предкам отчего-то думалось, что мы оба не против.

Жаклин Лоусон против точно не была, в этом я не испытывал ни капли сомнения.

– Конечно, мама, – широко улыбнулся я и взглянул на юную глупую девочку. – Ты ведь не против прогуляться со мной до нашей беседки и попить кофе?

Она спокойно кивнула и улыбнулась мне в ответ.

Я встал из-за стола и под провожающие нас глупо сияющие взгляды родителей подошёл к Жаклин, протягивая ей ладонь. Она весьма охотно приняла моё приглашение и, извинившись перед родителями, при этом стараясь подлизаться к моей матери, высоко ценившей воспитание, которое она искала во всех потенциальных невестках, покинула столовую вместе со мной.

Когда мы вышли во двор, большие карие глаза Жаклин Лоусон тут же устремились в сторону завораживающего цветочного сада, окружающего фонтан посреди нашего двора. Она, наверное, была бы не против провести целые часы в окружении цветов, как и любая другая глупая женщина на этом свете.

Черноволосая Жаклин, сколько я её помнил, в целом была девочкой тощей, с плавными аккуратными бёдрами и среднего размера грудью, которую я живо представлял под своими ладонями, воображая, с какой же грубостью и удовольствием я буду сминать её, периодически играясь с розовыми сосками. Сегодня она как раз надела один из своих лучших нарядов – бархатное тёмно-красное платье, едва доходившее до её колен и облегающее каждый элегантный изгиб её тела.

– Какой кофе предпочтёшь? – спросил я, подозвав одну из наших горничных. Та метнулась к нам с молниеносной скоростью. – То же самое, что и всегда?

– Да, – кротко улыбнулась Жаклин. – Мне как обычно латте, пожалуйста.

– Будь добра, – обратился я к горничной, – отправляйся на кухню и принеси нам с мисс Лоусон кофе – одну чашку латте и вторую эспрессо. И побыстрее. Не заставляй даму ждать.

Прислужница кивнула и быстро удалилась.

Что касается нас с Жаклин, мы двинулись дальше по тропинке, вымощенной камнями, и оказались возле готической беседки, затейливые перила которой обвивали красные розы. Каждая девочка назвала бы это местечко романтическим, поэтому и моя спутница не могла оторвать взгляда от роскошества, заполняя лёгкие свежим ароматом цветов. Мы редко проводили время на улице, засиживаясь допоздна в просторной столовой под звяканье столовых приборов и разговоры родителей.

Мы уселись за стол под крышей.

– Как дела на учёбе? – спросил я, изображая искренний интерес к её персоне.

– Неплохо, – ответила она. – Скоро предстоит сдать важный экзамен, и, так скажем, присутствует небольшое волнение.

– Тогда, думаю, чашечка кофе в моей компании поможет тебе немного расслабиться. Я не могу забыть, как ты влиwała в себя литры кофе, когда мы приезжали к вам в Амершем.

Она засмеялась, прикрывая ладонью рот. Я возжелал запротестовать и убрать её руку с лица, чтобы ничто не закрывало мне обзор на её пухлые губы, в которые хотелось вцепиться зубами.

И рвать, рвать, рвать, до крови...

Горничная принесла на подносе две чашки с горячим напитком, а кроме того, догадалась захватить ещё и десерт – два винных бокала с клубничным трайфлом². Что касается меня, то из сладкого я предпочитал исключительно девочек, подобно Жаклин, поэтому десерт оставил ей на съеденье.

– Прошу, – подтолкнув в её сторону кофе и бокал с десертом, сказал я. – Угощайся. Я слышал, сладкое поднимает настроение.

– Спасибо, Энтони, – сказала она и обхватила своими длинными изящными пальцами чашку.

Я издал смешок.

– Я не забыл твою особую слабость к сладостям. Должно быть, ты помнишь нашу прекрасную ночь на Примроуз-Хилл? Тогда мы, кажется, едва не подхватили сердечный приступ от количества кофе.

Слово «ночь» полилось из моего рта, как сладкое вино, прямиком в уши Жаклин. Это слово связывало нас с нашим первым поцелуем; мне тогда пришлось изрядно попотеть, чтобы перебороть своё желание трахнуть её прямо там, на зелёной свежей траве, наплевав на всех окружающих нас людей, которые приезжали в этот парк подышать свежим воздухом и поглядеть на восхитительные виды. В памяти Жаклин та ночь так и осталась «нашей ночью любви», а в моей – как изящный обман очередной девушки. До сих пор помню, как Жаклин была очень в себе не уверена; наверное, полагала, что такой как я заслуживает девушки роскошнее неё. Или, может, просто ломалась, строя из себя недоступную.

Я наконец заметил, как губы – ох, эти сладострастные губы, заставившие мой член отозваться в штанах, когда я живо представил, как она сосёт мне, сидя на коленях, – приподнялись в небольшой ухмылке. В почти незаметной ухмылке, однако от меня ничего не скрыть.

– Ты сегодня потрясающе выглядишь, – сказал я. Они любят, когда нечто подобное говорят их возлюбленные. – Впрочем, ты всегда потрясающе выглядишь, но почему-то именно сегодня ты словно сияешь... Может быть, у тебя появился ухажёр, вознамерившийся украсть тебя у меня?

– Ничего глупее я не слышала. – Она поднесла к губам чашку и отпила свой напиток. – Ты слишком хорош собой, чтобы я могла смотреть на кого-то другого, Энтони.

Я изобразил весьма правдоподобный, но тихий смешок, когда взял чашку и сделал пару глотков горячей крепкой жидкости.

Моя вера в то, что каждую женщину на этом свете можно подчинить своей воле, крепла с каждым днём. Я мысленно ставил галочки, когда из моей спальни выходила очередная девушка. Ни одна ещё не отказывала мне, ни одной не удалось справиться с желанием раздвинуть передо мной свои ножки.

А как может быть иначе? Любая сходит с ума рядом со мной.

Жаклин Лоусон была самозабвенно влюблена в меня все эти годы. Об этом говорил её взгляд. Взгляд чёрных тусклых глаз, так и кричащих: «Возьми меня прямо здесь!», и розовый язычок за её губами, которые она нервно прикусывала.

Я ухмыльнулся своим мыслям, когда вспомнил, что говорят о Жаклин Лоусон её родственники, друзья и знакомые. Они уверенно вещают о том, что она чиста и невинна как дитя. О том, что она ждёт одного единственного мужчину – своего будущего мужа. Думаю, они ожидают, что только на нём одном она будет усердно скакать.

Её родственники – кучка придурков, застрявших в восемнадцатом веке.

Но они не знали, что её первый секс был со мной на заднем сиденье моей машины, когда мы остановились около театра в одном из районов Лондона. Не знали и не узнают, что именно

² Традиционный английский десерт, представляющий собой бисквитное тесто с заварным кремом, фруктовым желе и взбитыми сливками, расположенными в десерте послойно.

я уже давно лишил её девственности, что научил её сосать мой член, и что она так в этом преуспела, что никому кроме как ей, я этого делать не позволяю. Конечно, она отдалась мне, будучи уверенной в том, что я женюсь на ней, и о планах родителей она тоже имела какое-то понятие. Так что Жаклин нечего терять. Какая разница – дать мне овладеть её вагиной сейчас или после свадьбы, если в любом случае брак состоится?

Я сидел и смотрел на её губы, которые она прикладывала к краю чашки, и временами облизывающий их розовенький язычок

и я видел, как вырываю её язык вместе с её чёртовыми губами, и кровь капает капает капает на землю, пропитывая собой почву.

– Если хочешь, – сказал я тихо, немного поддавшись вперёд, – мы можем...

Договаривать мне не пришлось, ведь Жаклин поняла всё без лишних слов.

– Я... – что-то промычала она, когда я коснулся её щеки, а затем привлёк к себе, целуя розовые губки.

Я не помню, как мы оказались в моей комнате, но помню, как снял с неё это красивое платье, а затем сорвал нижнее бельё бледно-красного цвета с изящными кружевами там, где находилась её вагина. Я повалил Жаклин на кровать и прижался пахом к её аппетитной заднице. Мне не терпелось войти в неё как можно грубее и резче, чтобы она закричала от неожиданности.

И спустя всего несколько секунд я и в самом деле уже трахал её, стараясь вдоволь насладиться искусными женскими стонами. Без каких-либо препятствий я уже вовсю касался красивого тела где мне только вздумается, осознавая, что на этот раз она превзошла саму себя с нашего последнего раза.

Скромница Жаклин Лоусон скакала и извивалась на мне так усердно и профессионально, что я вполне мог бы похвалить её вслух. Стоны моментами казались слишком громкими, и я постоянно затыкал ей рот ладонью, почти до боли надавливая на губы

и мне это чертовски нравилось.

Я с силой прижимал её руки к кровати, толкаясь в её вагину, а она двигалась подо мной так, словно хотела вырваться, наверное, потому что я был немного груб. И тогда я сжимал тонкие запястья с ещё большей силой

представляя, как они с хрустом ломаются прямо в моих ладонях.

Надо же, эти мысли – что-то новенькое... Нечто *возбуждающее*.

Когда же я с глухим рыком кончил в неё, наслаждаясь мощным взрывом удовольствия, сил у нас обоих уже почти не осталось. Дыхание Жаклин сбилось, а из вагины вырывались остатки моей спермы.

Я встал, натянул штаны и повернулся к зеркалу, стараясь привести в порядок растрепавшиеся светлые волосы.

– Энтони... – прошептала Жаклин, часто дыша.

Она встала, по-прежнему голая, и даже умудрилась потянуться ко мне, чтобы дотронуться губами до моей щеки, но я легко перехватил её тощую руку.

– Ты свободна, – бросил я. – Никаких больше чёртовых поцелуев на сегодня.

Она удивлённо похлопала ресницами и растерянно перевела взгляд на мою руку, продолжавшую крепко держать её тонкое запястье. Затем отошла и, будто стесняясь, закуталась в одеяло, закрыв мне обзор на свою грудь с набухшими розовыми сосками.

– И что это значит? – спросила Жаклин. – Как это «свободна» и «никаких поцелуев»?

– То и значит. – Стоя у зеркала, я вновь посмотрел на своё отражение и заметил пару царапин, оставленных её коготками, на своём торсе. Издевательски я добавил: – Поцелуи будут только после свадьбы.

– Энтони, я...

– Тебе пора идти.

Я вытащил свежую белую рубашку из шкафа в гардеробной.

Девушка ещё пару минут постояла возле кровати, укутанная в моё одеяло, и я даже увидел, как она вроде бы прослезилась, глубоко оскорблённая моим поступком.

– Только не в моей спальне, – раздражённо кинул я. – Иди хныкать у себя дома. – Не в силах удержаться, я добавил: – Или в плечо своего папаша.

Я прекрасно знал, что она ни за что не расскажет о том, что случилось между нами, своим родителям. Всю свою жизнь Жаклин играла роль всемирной скромницы, чуть ли не монашки, и точно не собиралась портить свою репутацию из-за секса со мной. Ей просто было бы стыдно в таком признаться. Вот поэтому я был уверен в себе и не прочь запихать член ей в глотку без последствий для себя.

И именно по этой причине я был спокоен, когда выставил её за дверь, а сам направился в душ, чтобы смыть с себя её прикосновения.

Когда же я, полностью обновлённый, спустился на первый этаж, наши чёртовы гости уже собирались обратно в свой роскошный особняк с видом на собор Святого Павла. Отовсюду раздавались чмокания в щёки и дружелюбные тошнотворные прощания, и только Жаклин стояла и натянуто улыбалась моим родителям, хотя взгляд её говорил совсем о другом. Онаглянула на меня с таким жалким видом, что удовлетворение во мне лишь ещё больше разрослось.

– Увидимся ещё, – произносила моя мать, обнимая на прощание миссис Лоусон. – Через месяц, дай Бог, вернёмся.

– Удачи вам в вашей поездке в Нью-Йорк, – сказал мистер Лоусон, пожимая руку моему отцу. – Надеюсь, сделка пройдёт удачно.

– А иначе и быть не может, – произнёс в ответ тот.

А я стоял, изображая искреннее дружелюбие, только одним чудом не переходившее на амикошонство.

И вскоре гости вышли во двор, обветриваемые со всех сторон прохладой весеннего дыхания, и наконец сели в свой автомобиль, который затем быстро унесло восвояси.

Я наконец смог вновь вернуться в дом и сесть за стол, чтобы немного освежиться после бурного проглатывания удовольствия.

– Принесите мне красного вина, – обратился я к горничной, и та кивнула, двигаясь к двери.

К слову, я не помнил их имена.

Обычно мне приходилось отличать наших горничных лишь по цвету волос или каким-то другим приметам вроде родинки на носу, косых глаз или больших ушей. Но в большинстве своём они всё же были похожи друг на друга как капли чёртовой воды, поэтому я не нашёл варианта лучше, чем просто игнорировать то, что у них есть имена.

Родители вернулись в гостиную и первым делом поинтересовались, как мы с Жаклин провели время, о чём разговаривали и есть ли какие-то продвижения в наших отношениях. Внутри мой голос с ухмылкой отвечал, что я был доволен тем, как она крутилась на моей кровати, но вслух ответил:

– В основном, мы обсуждали её любимые книги. Она с таким восторгом поделилась со мной недавно прочитанным, что я еле остановил её. – Потом я улыбнулся. Так, как обычно улыбаются люди, когда вспоминают что-то приятное. – Жаклин просто невероятная девушка.

Родители просияли. Ещё бы, картинки в их головах уже покадрово показывали фильм, где мы с Жаклин женимся, заводим детей и ведём счастливую семейную жизнь.

– Значит, ваше совместное будущее вполне вероятно, – улыбнулась мама. – Очень хорошо, мальчик мой. Продолжай за ней ухаживать.

К слову, я и в самом деле за ней ухаживал.

Я присылал её любимые цветы по адресу Лоусонов, дарил дорогие подарки и проявлял внимание. Жаклин и сегодня приехала с колье, серьгами и кольцами, которые я подарил ей

в прошлом месяце. Так что я искусно притворялся заинтересованным ей, как невестой, а не как чудной шлюшкой.

Горничная подоспела ко мне с бутылкой вина, налила немного в бокал и снова удалилась.

Мы с родителями сидели в тёмной, подсвеченной готическими светильниками, гостиной, состоящей сплошь из чёрного дерева, которое обошлось отцу в нехилую сумму. Со стола мигом убрали всю недоеденную еду и грязную посуду. В воздухе всё ещё пахло духами Жаклин.

– Ты ведь помнишь о всех тех встречах и делах, которые остаются на тебе, сын? – спросил отец.

– Разумеется, – кивнул я. – Не волнуйтесь, всё будет сделано к вашему приезду.

– Мы в этом не сомневаемся, дорогой, – заулыбалась мама.

Я допил вино, что оставалось у меня в бокале, и вытер рот салфеткой. Голова трещала по швам, и я встал из-за стола.

– Раз вы всем довольны, пойду отдыхать, – сказал я, поправляя на себе рубашку. – Я ужасно устал, а мне ещё предстоит заменять тебя, отец, в ваше отсутствие.

– Да, кстати, уже завтра приедет твоя новая помощница. – После сказанного отец попросил горничную принести две чашки горячего чая и пару пирожных. – Даяна сама её одобрила.

Даяна, то есть моя мать, кивнула и произнесла:

– Она приличная и ответственная девушка. Думаю, с её помощью легче будет управиться со всеми этими бумагами.

Я поблагодарил родителей, а сам подумал: *«Ох, новая девчонка? Да ещё и личная помощница, которая каждый день будет целый месяц в моём распоряжении? Меня ждёт незабываемое веселье, чёрт возьми».*

А затем, после проскочивших мыслей, я наконец вышел из гостиной, захватив по дороге яблоко и откусывая небольшой влажный кусок.

В моей комнате всё ещё витал тот же запах духов, хотя горничная уже сменила постельное бельё. Теперь моя постель не пахла мокрым женским телом.

Я снял рубашку и повесил её на спинку стула, усаживаясь за стол. Голова всё ещё покалывала от усталости, но мне надо было изучить документы. Провёл взглядом по напечатанному тексту на белой поверхности, вздохнул и отложил в сторону, при этом не забыв оставить внизу свою подпись. И точно такие же действия я проделал с оставшимися бумагами, а к концу уже весь выдохся. За окном показалась луна, небо стало почти таким же тёмным, что и моя душа, и я встал из-за стола, намереваясь лечь и заснуть.

Но сразу заснуть не получилось, ибо мыслями я был довольно-таки далеко. Они крутились в голове словно барабан стиральной машины, и отчего-то я думал сначала о работе, потом о всяких там девчонках, побывавших в моей постели, и обо всех друзьях, что у меня были, и которые, как мне всегда казалось, пользовались моим положением в обществе. Наверняка их привлекал лишь мой банковский счёт, в особенности всех тех вырожденков, которые любили приходить на разные вечера, устроенные в честь моего дня рождения или других торжеств, принятых в моей семье. Бухать и пожрать на чужие бабки казалось им весьма заманчивой идеей, хоть утверждали они совершенно обратное.

Я сильно удивился тому, что меня это беспокоило, и перевернулся на другой бок.

А потом перед глазами вдруг возникли совершенно иные картинки. Снова я оказался заложником кровавых сцен, не перестававших мелькать в самой сердцевине моего мозга. Они были настолько яркими, что, открыв глаза и услышав стук в дверь, я не сразу сумел от них избавиться: они отпечатались прямо на плёнках моих глаз.

– Войди, – сказал я и немного привстал.

– Мистер Максвон, звонил мистер Дэлл. Он пожаловался на то, что вы не берёте трубку, и поинтересовался, пригласили ли вы его на свой день рождения.

Вот о чём я, собственно, и говорил.

Я лёг обратно, закрыл глаза и вскипел от злости, хоть кровь и бурлила лишь внутри меня, совершенно не показывая никаких знаков на моём лице.

Но всё же ответ я тоже выдал:

– Я понял. Можешь идти. Я сам ему перезвоню.

И горничная, кивнув, покинула мою комнату.

А я наконец почти сразу вырубился, и тех картин больше не было.

Глава 2

Игрушка

Ответ на моё письмо от секретаря мистера Максвона пришёл буквально на следующей неделе после того, как я заполнила анкету и отправила своё резюме на почту. Я чуть ли не прыгала на месте, пока перечитывала заветные два слова в письме:

«...вы приняты...»

О боже, как рада я была!

И именно одурманенная этой радостью я вскочила на крошечную кухоньку нашей жалкой квартирki в Чингфорде как безумная и громко пролепетала:

– Завтра выхожу на работу!

Джудит и Эмма поперхнулись чаем, Мэрилин очень широко и свойственно ей улыбнулась, а Рита, глядящая своего любимого питомца, – пестрящего всеми цветами радуги попугая, которого ей очень повезло заполучить почти даром в одном зоомагазине, – выкрикнула что-то по типу: «Юхуууу!».

– Тебя всё же приняли? – спросила Эмма.

Эмма – очень красивая девушка. Прямо-таки куколка в живом обличье. Волосы светлые, кудрявые, а глаза голубые, как у Барби. Неудивительно, что почти каждый день мне приходилось подходить к двери, за которой очень настойчиво трубили в звонок, и встречать симпатичного парня с его излюбленным вопросом: «Эмма дома?».

– Куда приняли? – присоединилась Джудит – полная противоположность Эмме. Конечно, тоже красивая, но эта красота совершенно другая. Каштановые блестящие волосы, кошачий взгляд, пухлые губы, в которые она год назад добавила немного филлера, большая грудь, привлекавшая внимание каждого проходящего парня... И, конечно же, тех самых парней, которые так же ошивались у двери в нашу квартирку. Правда, они хотели кое-чего большего от Джудит, нежели просто милую прогулку, как бывало у Эммы. А она, кстати, с радостью давала это «большее» почти каждому желающему.

Вообще-то Джудит с нами не жила, но частенько приходила в гости и порой засиживалась допоздна. Сегодня был один из таких дней.

– В особняк Максвонов, – почти гордо ответила я. Даже не заметила, как приподняла грудную клетку и выпрямила осанку.

– В самом-то деле, – произнесла Рита, а её попугай быстро повторил её фразу, сразу же получив печенье со стола.

Рита была любительницей красить волосы в самые разные цвета. Сейчас они были ядовито-зелёные. Глаза подведены чёрным карандашом, а одежда где-то на границе между нормой и безвкусицей. У неё всегда были яркие и очень экстравагантные наряды.

Вот Рита совсем не получала мужского внимания, но её это нисколько не волновало.

– Да, – закивала я. – Представьте себе! Только что получила ответ.

– И когда ты собираешься ехать к ним? – спросила Мэрилин, наша скромница, отличавшаяся от всех нас рыжими волосами и очень яркими зелёными глазами, выдававшими её ирландские корни. – В смысле, тебя, может, проводить?

– А где живут эти Максвоны? – спросила Эмма. – Я слышала только об их баснословном богатстве.

– Ты что, упала с дерева? – встряла Джудит, намазывая губы толстым слоем красной помады. – Кто ж не знает, где эта семейка живёт?.. В Виндзоре в огромном особняке, недалеко, кстати, от Виндзорского замка. Там же и резиденция королевской семьи находится.

– В самом-то деле, – вновь сказала Рита. Это вообще было её самой любимой фразой, хотя, скорее, даже привычкой. – Я хочу поглазеть.

– Туда никого не пускают. – Джудит уже закончила с губами и начала подкрашивать ресницы. – Только по пропускам всяким, разрешениям. Да ещё и охрана обыскивает у ворот.

Девчонки посмотрели на меня как на человека, который выиграл счастливый билет, однако я в этом ничего такого не видела. Для меня работа в доме семьи Максвон будет самой обычной работой. Разве что зарплату получать я буду намного больше, чем если бы пошла в какую-нибудь забегаловку вроде «Fish and Chips», как это делали девчонки. Однако мне совсем не хотелось идти по такому же простому пути.

Я искала работу более сложную и такую, где пришлось бы выполнять какие-то важные поручения, не ограничиваясь обычными приёмами заказов от клиентов и подачей бургеров за столики.

– Интересно, кто вообще живет в таком огромном доме? – любопытствовала Мэрилин.

– О, там целая армия, – ответила всё та же Джудит. Сейчас она играла роль какого-то специалиста по Максвонам. Это и неудивительно, если вспомнить о её пристрастии к чтению всяких статей и журналов про знаменитостей. – Горничные, охрана, всякие помощники, привозящие продукты из Лондона, личные повара и уборщицы.

– Я имела в виду хозяев, а не прислугу, – уточнила Мэрилин. – Большая ли у них семья?

– Нет. Муж, жена и их сын. Джек и Даяна Максвоны и Энтони.

– Повезло ребёнку, – мечтательно протянула Рита, откинув с ног свои ярко-жёлтые сандалии и усевшись на стуле максимально удобно.

– Да, только ребёнку уже двадцать два года, – ухмыльнулась Джудит.

Подруги удивлённо подняли ухоженные бровки и, наверное, начали живо представлять себе этого богатого сына. Я его тоже не видела ни разу, но разве мне это было важно.

Новость о принятии на работу одурманила меня, как какое-то снотворное, и всё остальное уже не имело никакого значения.

– Расскажешь, как там и что, – попросила Джудит. – И как-нибудь Расскажи Энтони Максвону про богиню красоты.

Это она себя имела в виду, понять было несложно.

Я лишь улыбнулась и кивнула, мол, хорошо, расскажу, но сама не планировала ничего подобного. В мои обязанности знакомство сына мистера и миссис Максвон со своими подругами точно не входило.

– Что ж, удачи тебе. – Эмма искренне радовалась за меня. – Ты всё же своего доби-лась, да?

– Ну в этом никто и не сомневался, – шуточно подмигнула я и подошла к зеркалу, чтобы привести себя в порядок и избавиться от того замученного выражения, которое было на моем лице всего несколько минут назад.

В прихожей уже стояло три чемодана, заполненных одеждой моих верных подружек, которые на данный момент так беззаботно попивали чай на нашей кухне, заедая его банановым печеньем. Моего чемодана среди них не было; я собрала и отправила его домой к родителям ещё неделю назад.

Все мы подготовились к летним каникулам и собрались покинуть нашу маленькую квартиру на три месяца.

Но вообще-то каникулами и не пахло: каждая из нас собиралась работать в поте лица всё жаркое лето, которое многие из нашего университета наверняка проведут, загорая и купаясь в море. А может, отправятся в путешествие на какой-нибудь остров далеко посреди океана. Кто-то даже не станет никуда выходить и проведёт эти чудесные девять-десять дней дома перед сериалами и с хрустящим попкорном.

Я же первый месяц точно поработаю личным помощником у Максвонов, затем посмотрим, на какую работу ещё смогу быть способна.

Покончив со всеми манипуляциями с волосами перед зеркалом, я всё же села и выпила свой чай, который мне уже налила стоящая у плиты Эмма. На нашей маленькой кухне мы уместались с трудом, но и много времени там не проводили. Обычно мы делились на пары: сначала едят Мэрилин с Эммой, а затем уже я с Ритой.

Именно по этой причине я, наверное, и стала свидетелем очень частых рассказов Риты о её увлечениях, проблемах с родителями и подобного. Наверное, в нашей компании я больше всего знала её, если не считать Джудит, с которой она чаще общалась в пределах университета.

Сегодня же на кухне завтракали все разом. Может быть, причиной этого стало то, что это последний день в нашей скромной квартире, а затем мы разъедемся по домам. Вернее было бы сказать, разъедутся все, кроме меня.

Я выпила свой чай почти залпом и закинула в рот пару печенюшек, после чего удалилась в комнату, которую делила всё с той же Ритой.

Я открыла ноутбук, чтобы проверить письма, поскольку мне прислали все условия, на которых я собираюсь работать, с которыми я ещё не ознакомилась полностью.

Письмо от отправителя под именем «*Секретарь мистера Максвона*» и с элегантным логотипом на аватарке, всё ещё стояло в списке всяких рассылок, рекламных объявлений и прочего. Я открыла его и начала проходиться глазами по тексту.

Уважаемая мисс Снелл,

Я рад сообщить вам, что вы были приняты на стажировку по должности личного помощника руководителя нефтяного направления в нашей компании. Испытательный срок продлится неделю, и если вы достаточно хорошо проявите себя за этот срок, можете рассчитывать на окончательное принятие на работу.

Ваш первый рабочий день назначен на 14 мая.

В день начала работы, в 12:40–12:50, за вами заедет наша машина и довезёт вас к месту вашего временного проживания в Виндзоре по адресу: 1, Castle Hill, Windsor, Berkshire SL4 1ND.

В качестве личных вещей вы можете взять с собой (и ничего более):

- * Необходимую одежду и обувь;
- * Средства личной гигиены;
- * Ноутбук/телефон;
- * Небольшое количество личных вещей.

Обращаю ваше внимание, что во время выполнения ваших обязанностей на территории особняка Максвонов запрещено:

- * Курить;
- * Употреблять алкоголь;
- * Использовать телефон в личных целях во время работы, за исключением завтрака и обеденного перерыва;
- * Разглашать конфиденциальную информацию.

Мы ожидаем от вас:

- * Пунктуальность;
- * Ответственность;
- * Сохранение конфиденциальности.

Я уверен, вы станете ценным членом нашей команды. С нетерпением ждём вас!

С уважением,

Джош Хигли

Секретарь мистера Максвона

Конечно, меня интересовал вопрос «*Почему же так всё строго?*», но, когда я вспоминала, какие деньжищи эта семейка зарабатывает, этот самый вопрос сразу пропадал из головы.

Телефон в кармане активно завибрировал. Я достала его и, взглянув на экран, немного нахмурилась, неизвестный абонент. Однако в порыве любопытства я сразу поднесла телефон к уху, ожидая узнать, кто же это мне звонит.

– Здравствуйте, это мисс Аника Снелл? – заговорил мужской низкий голос.

– Всё верно. Это я.

– Меня зовут Джош Хигли, я секретарь мистера Максвона. Неделю назад вы ответили на нашу вакансию, и я прислал вам договор по почте.

– Здравствуйте... – Немного растерянная, я уже почувствовала, как ко мне начал подкрадываться страх. *Неужели они передумали?* – Что-то случилось?

– О, прошу вас не беспокоиться. Просто возникли кое-какие непредвиденные обстоятельства. Насколько вы знаете, к работе вам предстояло приступить завтра, но могли бы вы начать уже сегодня?

Я немного подуспокоилась, и липкое и скользкое волнение отошло далеко назад. Однако вместо него пришло недоумение.

– Могу ли я спросить, почему? – поинтересовалась я.

– Разумеется. Дело в том, что мистер и миссис Максвон должны срочно улетать в Нью-Йорк уже сегодня после обеда.

– Подождите, но кому я должна буду... В смысле, чьей помощницей я собираюсь быть?

– Мистера Энтони Максвона. Разве вы не были в курсе?

Это было, конечно, немного неожиданно, ведь всё это время я считала, что как раз-таки буду личной помощницей старшего Максвона. Я даже успела быстро открыть самое первое электронное письмо и перечитать его начало. Действительно, там чётко указывалось, что работа как раз-таки связана с Энтони.

– Простите. Я, должно быть, просто невнимательно прочла ваше письмо.

– Не беспокойтесь... Если вы всё ещё не передумали, как насчёт сегодня? Готовы ли ближе к одиннадцати часам ожидать приезда нашего водителя?

Мне совершенно не хотелось упускать свой шанс и как-то подводить своих работодателей, поэтому я, глубоко вздохнув, конечно же, согласилась.

Глава 3

Социопат

Бобби Дэлл, мой друг с самого детства и самый бестолковый человек из тех, кого я когда-либо знал, звонил мне с раннего чёртового утра.

Мой телефон, стоящий на тумбе рядом с кроватью, бил меня своим звоном по ушам, и я со злостью схватил его, сам приподнимаясь со своего места и пытаюсь справиться с подкатившим к горлу желанием послать этого ублюдка на хрен.

– Да? – сказал я в трубку, и с той стороны послышалось громкое чавканье и хлюпающие звуки.

– Э-э-энт, дружище-е-е! – прокричал этот идиот так, что у меня вновь затрещала голова. – С наступающим днём рождения! Чёрт, я звонил тебе вчера целый день! Ты где пропадал?

Я закатил глаза и встал с кровати. Теперь смысла пытаться заснуть обратно совершенно не было.

– Извини, – сказал я нарочно извиняющимся тоном. – Вчера было полно работы. Я после неё даже еле заснул.

– Понимаю.

Ни хрена ты не понимаешь, – подумал я. – Ни один день не работал, развлекался всю свою жизнь, бездумно тратя деньги богатых родителей.

– Ожидает ли нас завтра какая-то особо крутая программа, а, братец? – Бобби, должно быть, сейчас ухмыляется. – Приглашать ли мне уже цыпочек? Предки вроде покидают дом.

– Ага. Их не будет месяц, но ты ведь знаешь, что я замещаю отца. Нет у меня времени на развлечения.

– Чувак, ты чего? – Бобби сделал небольшую паузу и, судя по звуку, отправил в рот что-то хрустящее. – Тебе завтра двадцать три стукнет! Надо хоть иногда развлекаться.

Развлекаться-то я развлекался. Только я предпочитал проводить свой досуг в полной тишине в своей комнате, пока в голове беспорядочно витали разные приятные мысли.

Кому на хрен сдалась дружба, если есть занятия гораздо интереснее?

– Думаю, ты прав, – сказал я вместо того, о чём действительно подумал. – Пригласи всех, кого считаешь нужным. Только без чёртовых зануд, ладно?

– Вот это уже правильно, братец, – засмеялся Бобби, наверняка уже потирая ладони в предвкушении. – Будет сделано, мистер Максвон. До связи.

– Давай.

Я сбросил звонок и кинул телефон на кровать, проходя в ванную комнату, чтобы принять душ и освежиться.

А после направился в свой кабинет.

На моём чёрном столе в кабинете аккуратными стопками, словно солдаты, выстроились все документы; причём выстроились они в правильном порядке, по номерам, цвету и размерам. Ручки и карандаши лежали на специальной подставке, а тетради и блокноты стояли возле светильника, просунутые между стеной и документами. Кроме того, над столом и по всему кабинету висели большие длинные полки на всю стену с накопившейся на них коллекцией разных книг про войны, смерть и хаос. Наверное, ни один из моих дружков литературой не интересовался, но вот меня с детства тянуло в библиотеки, где я порой засиживался до поздней ночи.

– Мистер Максвон, – произнесла горничная за дверью моей комнаты, постучав три раза, – ваш завтрак стынет.

Часы показывали десять часов утра, и, наверное, именно из-за того, что я сегодня так поздно встал, внутри меня поселилось чувство не из самых приятных. Обычно я просыпался

в семь, чтобы выйти на утреннюю пробежку и немного размять мышцы в тренажёрном зале подвального помещения нашего дома.

Я вышел из своей спальни и спустился вниз, где всю поперёк стола уже суетились чёрно-белые пятнышки, то бишь горничные. Они накладывали завтрак, наливали чай, ставили кофейник, тарелки и столовые приборы, клали салфетки, – и всё это для меня одного. Когда же я оказался в поле их зрения, они быстро выпрямились и поприветствовали меня почти хором:

– Доброе утро, мистер Максвон.

Я промолчал и сел за стол.

Едва я притронулся к чашке с чаем, мне тут же сунули какие-то бумаги.

– Вот это нужно бы подписать, – сказал напыщенный индюк, работающий у отца секретарём.

Я вообще удивился его присутствию, посчитав, что этот идиот улетит на частном самолёте в Нью-Йорк вместе со своим боссом.

– Разве твоя работа здесь временно не окончена? – спросил я, беря в руку протянутые бумаги. – Каким образом отец не взял тебя с собой?

– Самолёт ещё не готов, а ваши родители пока ещё не покинули нашу чудесную страну... Как только подпишете, я сразу удалюсь. Это наставление вашего отца, мой дорогой друг.

Я незаметно стиснул зубы, борясь с ярким желанием врезать ему.

Конечно, я не стал подписывать эти чёртовы листы бумаги вслепую; я внимательно прочёл всё, и, убедившись в том, что это всего-навсего отчёты по газу и нефти, а не какой-нибудь мошеннический способ что-то отхватить себе, приняв меня за дурачка, оставил свою подпись.

Джош Хигли, этот напыщенный индюк, вечно одевающийся в какие-то тусклые костюмы и причёсывающий волосы назад, улыбнулся, поблагодарил меня и попрощался. Наконец-то он уходит.

– Удачи вам, мой дорогой друг. Впереди вас ждёт долгий и сложный месяц.

– Спасибо, – сухо ответил я и наконец принялся за завтрак.

Тем временем столовая погрузилась в тишину. В эту сладкую и блаженную тишину, о которой я мечтал довольно-таки долгое время.

Двое горничных стояли возле двери на случай того, что мне может что-то понадобиться, и я подозревал одну, щёлкнув пальцами.

– Принеси вино, – сказал я.

Она покорно кивнула и вышла из столовой, держа курс на кухню.

– Где мои родители? – спросил я вторую – ту, что всё ещё стояла возле двери.

– Они отъехали в Лондон по делам, мистер Максвон, но скоро должны вернуться, – пояснила она. – Ближе к двенадцати часам.

– Когда приедет новая помощница?

– Этого я не знаю, мистер Максвон. Мне ничего не говорили.

Я махнул головой и отвернулся, чтобы разбить сваренное яйцо. Чай почти остыл, и я отставил кружку в сторону, потому что пью его исключительно очень горячим и крепким.

С последней своей поездки в Шотландию родители как-то привезли чай – вонючий и отвратительный на вкус, но очень полезный. Вот сегодняшний день казался мне таким же, когда я глядел на свою чашку и раздумывал о жизни.

Завтрак я провёл в одиночестве, считая минуты до того момента, когда мне надоест. Но мне не надоело. Я сидел и сидел, временами глядя на то, как одна из горничных намазывала клубничный джем на тост или подливала кипятка в чашку с чаем. Часы тикали на стене, и, наверное, только этот звук и звучал в столовой.

Во все остальные же дни я был вынужден слушать трёп своих предков, которые не прекращали болтать без умолку. Большинство тем их разговоров, конечно, были связаны с нашим

семейным бизнесом, которым я точно также занимался. Всё-таки благодаря ему мои карманы трескались по швам от денег.

Снаружи вдруг раздался такой звук, который обычно бывает, когда ты почти поглощён своими мыслями, но всё ещё отдалённо что-то слышишь. Кто-то въехал во двор. Машина нашего водителя припарковалась у той дурацкой статуи, которую мама заказала у какого-то известного скульптора. Сначала я посчитал, что подъехала новая личная помощница, однако из машины вылез мой отец.

Я встал, встряхнув с себя крошки тоста, и поправил рубашку.

Отец вошёл в дом уже спустя пару минут.

– Как хорошо, что ты уже на ногах, сын, – сказал он, подходя к столу. – Садись и продолжай завтрак, пока, так скажем, наша гостья не прибыла. – Отец приподнял руку и взглянул на запястье, на котором держались дорогие часы. – Она подъедет с минуты на минуту... Блэр, подай мне зелёного чая.

Я сел на своё место и уставился на часы, висевшие на стене.

Завтра утром приедет бестолковый идиот Бобби вместе со своими друзьями, которые ничем не лучше него, и наверняка несколько грудастых девочек, желающих поглазеть на роскошный дом Максвонов. Я представлял, как вся эта делегация проедет сотни километров, чтобы добраться до особняка, и как будет долго и изнурительно проходить контроль у наших телохранителей

ещё я почему-то подумал, как здорово было бы их всех сбросить с обрыва, который открывает роскошные виды на лес и высокие горы у нас на заднем дворе. Они бы упали точно как камни и разбились об твёрдую землю точно как стекло.

– Ты уже подготовил документы, которые висели на тебе с позапрошлого месяца?

Я не сразу понял, что отец обращался ко мне, – настолько был поглощён мыслями, – поэтому несколько секунд молчал и смотрел в одну точку, пока не заметил его взгляд на себе.

– Да... – Я прокашлялся, чтобы говорить чётче. – Да, сделал всё вчера ночью.

Отец как-то слишком долго вглядывался в моё лицо, что я почти видел своё собственное отражение в его глазах. Обычно этот взгляд предвещал долгий и нудный разговор, который мог выбить из меня все силы, поэтому я улыбнулся и встал со своего места, однако сделал это осторожно и как бы ненавязчиво.

– Как вы с мамой собираетесь провести годовщину? – спросил я, искусно меняя тему. Для большего эффекта я взял с полки небольшую фотографию в позолоченной рамке и со смешком добавил: – Уже ведь сто лет прошло, если не ошибаюсь.

Выражение лица старика вмиг изменилось, ведь все разговоры о его жене – любви всей его жизни, как он говорил о ней, и что бы это ни значило, – вмиг могли поднять ему настроение, а в глазах разжигались особенные огоньки. Обычно люди пишут книги, снимают фильмы и говорят об этих огоньках как о символе самого прекрасного чувства на свете, но умные люди понимают, что на самом-то деле это всего лишь иллюзия, которую каждый видит, как сам хочет.

– Да, сто лет и сто веков, – сказал отец, улыбаясь и глядя на фотографию в моей руке. – Мне кажется, с твоей мамой я провёл несколько жизней. И, конечно, нашу годовщину мы проведём в излюбленной твоей мамой Венеции, как только покончим с делами в Нью-Йорке.

– Дела, думаю, пролетят незаметно, зная тебя, отец.

– О, я на это надеюсь всей душой, сынок.

Я поставил дурацкую фотографию обратно на полку и взглянул на своего старика. Вид его был уже потрёпанный долгими поездками в разные страны по работе. Отдыхал он гораздо меньше меня и часто засиживался допоздна в своём кабинете, и потом всю ночь я слышал, как его пальцы искусно управляют с клавиатурой ноутбука, пока он в очередной раз печатает.

тает какое-нибудь электронное письмо. Волосы давно поседели, а лицо обзавелось морщинами, прибавив отцу несколько лишних лет.

– Когда-нибудь ты почувствуешь тоже самое, – сказал он вдруг, и я даже сперва не понял, о чём шла речь. – Наверняка ты *уже* чувствуешь это к дочке Лоусонов, даже несмотря на наши договорённости о вашем браке. Вы ведь столько лет знакомы и прекрасно проводите время вместе. Я вижу, как она на тебя смотрит.

а я вижу и чувствую, как ломаю ей шею, и я готов снова и снова проматывать эти картины в голове до тех пор, пока они не станут явью

– Возможно, ты прав, – улыбнулся я, и на этом разговор об этой идиотской штуке под названием любовь был окончен.

В дверь постучалась очередная горничная, предупредила, что юная мисс Аника Снелл уже приехала, и спросила, можно ли пустить её в столовую. Отец оживился и дал своё разрешение.

Мы оба встали из-за стола, как подобает истинным джентльменам, да и в принципе воспитанным мужчинам, а за нашими спинами несколько подросевших горничных принялись убирать со стола лишнюю посуду и недоеденные блюда.

Я взглянул на часы и снова вспомнил о запланированной на завтра вечеринке в честь своего дня рождения, и вновь мне стало дурно.

Дверь открылась, и вместе с горничной, которая пришла оповестить нас о приезде моей новой помощницы пару минут назад, в гостиную вошла миниатюрная девушка в рубашке и юбке, которые напоминали наряд сексуальных секретарш, каких сто раз видели в эротических сюжетах. Она держалась весьма сдержанно, однако в этой скромности словно были какие-то отголоски строгости. Сочетание более чем интересное, и я просто не смог сдержать ухмылки.

– Мисс Снелл, добро пожаловать! – поприветствовал её отец, протягивая руку. – Надеюсь, поездка вас не слишком утомила?

– Нет, спасибо. – Она слабовато улыбнулась и поправила светлую прядь, случайно выбившуюся у неё из пучка, собранного сзади. – Благодаря вашему водителю мне было гораздо легче сюда добраться.

Когда настала очередь рукопожатия со мной, она посмотрела мне в глаза и широко улыбнулась, держа всё так же прямо и стойко.

– Здравствуйте, мисс Снелл. – Улыбнулся и я, взяв её маленькую белую руку в свою ладонь. – Я Энтони, и я безусловно рад вас у нас приветствовать.

– Приятно познакомиться, мистер Максвон. Надеюсь, я вас не подведу.

Её последние слова показались мне очень притягательными, в каком-то смысле даже непристойными и сладкими, так что я кивнул ей и едва сдержался от того, чтобы не ухмыльнуться снова.

– Лола! – громко позвал отец. – Подойди сюда!

К нам поспешила немолодая служанка с очень пышными формами. Обычно большую часть своего времени она работала на кухне и благодаря этому, подозреваю, часто устаивалась возможности захватить пару лишних калорий. Звали её Лола, но часто звучало и Лолли, будто бы она имела хоть какое-то сходство с леденцами. Она подошла к нам с обзавёдшимся красным пятном фартуком и попыталась его быстро снять. Наверное, мне не казалось, что она всегда пыталась флиртовать с моим отцом. Постоянно смотрела на него как на божество, спустившееся с небес.

– Да, мистер Максвон? – пролепетала она.

– Это мисс Аника Снелл, новая помощница моего сына. Расскажите ей, как тут всё устроено, и проведите небольшую экскурсию. Если вдруг ей понадобится помощь, я доверяю её в ваши руки, Лола.

– Конечно, мистер Максвон, – засияла Лолли. – Будет сделано.

– Благодарю. – Отец вытянул руку и взглянул на часы. Затем посмотрел на меня, многозначительно положив свою твёрдую ладонь на моё плечо. – Я доверяю тебе все свои дела, сын, и уверен, ты справишься.

– Справлюсь, – кивнул я. – Можешь на меня рассчитывать, отец.

Он довольно кивнул мне в ответ, попросил водителя, прибывшего минут пять назад и стоявшего возле дверей, завести машину и натянул свой плащ, который незамедлительно принесла всё та же Лола. Затем я проводил его до автомобиля, и он наконец тронулся с места, выезжая из двора и устремляясь прочь.

Погода на улице стояла весьма мрачная: дождь начал стучать по крыше, стекать крупными каплями по кустам, статуэткам и беседке, а облака всё собирались и собирались в крупные тучи.

Наш особняк располагался в таком месте, что можно было часто заметить опускающийся туман, который особенно хорошо был виден именно в такую погоду. Вот и сейчас, когда дождь стал сильнее, всё вокруг окутала тонкая дымка. Я такую погоду просто на дух не переносил, поэтому быстро взобрался по ступенькам обратно в дом, не дав каплям дождя попасть на мою рубашку.

А потом подолгу наблюдал за тем, как маленькая и тоненькая фигурка девушки по имени Аника Снелл медленно шла за рассказывающей о доме Лолой, а лицо её приняло небольшую вежливую улыбку и заинтересованность.

Интересно, преподнесёт ли вся эта ситуация что-то интересное для меня?

Глава 4

Игрушка

Я приехала по адресу ровно к двенадцати, как мы с мистером Хигли и договаривались по телефону.

Водитель – хмурый смуглый мужчина с глубокими морщинами на лбу и безобразным шрамом на пол-лица, – поглядывал в мою сторону через зеркало заднего вида, так что я заставляла себя смотреть только на те деревья, что пролетали мимо машины, в которой мы ехали по долгой и, как мне казалось, просто нескончаемой дороге.

Когда усталость уже начала брать своё, за лобовым стеклом открылся вид, поразивший меня до глубины души. Он вмиг перечеркнул всё, что я представляла себе, читая статьи об этой семье в попытках понять, где мне предстоит провести следующий месяц.

Штаб-квартира крупной британской химической компании Максвонов под названием «*McSwaine Solutions*», также занимающейся добычей нефти и газа в Северном море, расположена в центре Лондона, в районе Канэри Уорф, так что у меня изначально возник вопрос: почему от меня требуется проживание в их семейном особняке на время работы? Я не задавала подобных вопросов, и может сумею поинтересоваться об этом уже на месте, если вообще осмелюсь сунуть нос не в своё дело, чего я по-настоящему никогда не любила.

Глянув в окно, я поняла, что мы уже почти доехали.

Огромный, просто громадный особняк, напомнивший средневековый дворец, стоял в окружении леса и словно горой возвышался над остальным крохотным мирком. Он будто смотрел на нас всех сверху вниз и ухмылялся, грозясь раздавить любого, кто потревожит его. Деревья же вокруг напомнили мне своеобразных воинов или телохранителей, оберегавших дом от всех незваных гостей, и я даже подумала, как хорошо, что я как раз-таки в числе приглашённых.

Я будто оказалась в каком-то готическом фильме про графа Дракулу.

– Мы приехали, – сухо произнёс водитель.

Его слова прозвучали так, будто он просит меня скорее сваливать восвояси, поэтому я спешно выбралась из машины, ступая на твёрдую, посыпанную зелёными листьями приближающегося лета землю. Мужчина вышел следом, открыл багажник и вытащил мой скромный чемодан, поставив его рядом со мной.

– Только будьте осторожны, мисс.

Я удивлённо повернулась к нему, заинтригованная его словами, которые он произнёс с какой-то неожиданной заботой, глядя на меня почти по-отцовски. Не успела я ничего ответить, как он вернулся в салон. Мотор негромко заурчал, и автомобиль покатился дальше по аллее, уезжая на закрытую парковку.

Я осталась стоять перед высокими позолоченными воротами, отделяющими подъездную аллею от парадного внутреннего двора.

– Здравствуйте, – произнесла я, глядя на крупного мужчину в чёрном костюме, преградившего мне путь. – Я Аника Снелл. Мистер Максвон нанял меня в качестве личной помощницы.

Охранник сурово оглядел меня с ног до головы, его оценивающий взгляд медленно прошёлся по всему моему телу. Затем он бросил короткую фразу своему напарнику, стоявшему чуть позади. Тот связался с кем-то по рации – видимо, подтверждал у начальства мой приезд – и коротко кивнул. Только после этого крупный охранник велел мне поднять руки. Да, я знала, что на входе меня ждет досмотр, но даже понятия не имела, насколько унижительно буду себя при этом чувствовать.

Как бы то ни было, конечно, ничего запретного у меня не нашли.

Тяжелые створки ворот наконец приоткрылись, пропуская меня во двор. Ко мне тут же подошел второй, более молодой охранник – он приветливо улыбнулся и подхватил мой небольшой чемодан со скромными пожитками, чтобы помочь донести его до самого дома.

Сначала мы прошли вперёд, ступая на вымощенную старинным и потемневшим от времени камнем, и я погрузилась в созерцание всей окружающей меня красоты. Двор обступал живой изумрудный бархат идеально подстриженных газонов, странно смотрящийся на фоне готического серого особняка. Зелень разбавляли разве что россыпи ярких цветов – алые розы, нежные гортензии и георгины.

В центре двора расположился фонтан. Его мраморные нимфы казались живыми прекрасными девушками, пока солнечные лучи ложились на их фигуры и отбрасывали тени на плескающуюся воду.

Вся эта готическая атмосфера подкреплялась ещё и пасмурной погодой и лёгким туманом.

Я шла, буквально раскрыв рот от изумления, так как мне впервые довелось оказаться в таком роскошном и пугающе завораживающем месте. Когда мы наконец приблизились к массивной двойной двери особняка, одна из створок вдруг приоткрылась, и на пороге показалась крошечная девушка в униформе горничной.

– Аника Снелл? – спросила она. И после моего кивка открыла дверь шире. – Прошу за мной.

Я вошла в огромную прихожую, обставленную лишь большим шкафом без дверей, длинными полками для обуви, и столиком, на котором стояла ваза с цветами. Пол весь состоял из чистого дерева, а на стенах висели картины.

Девушка прошла дальше, и я последовала за ней, боясь ненароком потеряться в лабиринте коридоров этого дворца.

Пройдя прихожую, мы оказались в широком коридоре с дверьми и, ведущими наверх, деревянными ступеньками, на которых лежал бордовый ковёр. Через двойные двери, находящиеся на самой дальней стороне, мы и вошли в гостиную, которая своим размером могла бы соперничать с каким-нибудь залом в крупном кинотеатре.

В гостиной, состоящей из того же чёрного дерева, что и прихожая, ровно посередине стоял длинный накрытый стол, а перед ним – двое мужчин. Один явно был самым мистером Максвоном, хозяином всего этого роскошества, и я сразу поняла это по его виду – по морщинам на лице, поседевшим волосам, по его позе. Но вот второй был гораздо-гораздо моложе.

Мы подошли ближе, и я улыбнулась, стараясь произвести хорошее первое впечатление.

– Мисс Снелл, добро пожаловать! – поприветствовал меня мужчина, протягивая свою ладонь. – Надеюсь, поездка вас не слишком утомила?

– Нет, спасибо. – Я улыбнулась и слегка наклонила голову, из-за чего прядь волос, которая была немного короче, выбилась из причёски, и я поправила её. – Благодаря вашему водителю мне было гораздо легче сюда добраться.

Нужно было поздороваться и со вторым, поэтому я повернула голову в его сторону и улыбнулась шире, глядя ему прямо в глаза, желая показать свою уверенность.

Он красив. Очень красив. Просто идеален.

Это стало первым, о чём я подумала при виде его гладковыбритого лица. Джудит, будь она здесь, сразу пустилась бы в безудержный флирт.

Ни на его лице, ни на одежде не было ни одного изъяна. Волосы, которые были идеально расчёсаны волосок к волоску, светлые, скорее даже светло-золотисто-русые. На высокой стройной фигуре сидела хлопковая белая рубашка. На шее висел чёрный галстук-бабочка. А эти глаза могли бы соперничать с той серой и дождливой погодой, что сейчас орудовала на улице, – настолько похожим был их оттенок.

Он так красиво мне улыбнулся, что мне пришлось сдержаться от смущённого кашля.

– Здравствуйте, мисс Снелл, – сказал молодой человек и взял мою протянутую руку в свою, легонько её пожимая. – Я Энтони, и, безусловно, рад вас у нас приветствовать.

– Приятно познакомиться, мистер Максвон, – кивнула я. – Надеюсь, я вас не подведу.

Мне может показалось, но его губы немного дрогнули в ухмылке, но я постаралась не придавать этому никакого значения.

После того, как Максвон старший подозвал некую Лолу, чтобы та показала мне, как тут всё дома устроено, он уехал, не забыв пожелать мне удачи. И я даже в какой-то мере была рада тому, что ближайшие полчаса буду занята осмотром особняка.

– Кухня вот здесь, – инспектировала меня женщина по имени Лола, однако она попросила меня называть её Лолли. – Дальше по коридору – комнаты прислуги, справа находится выход на задний двор, а слева – дверь в подвальное помещение. Там находится спортивный зал, где мистер Максвон проводит почти каждое своё утро. Я имею в виду младшего. – Лола потёрла руки, будто в предвкушении, затем продолжила: – А теперь, деточка, пойдём наверх.

Поднявшись на второй этаж, я встретила ещё больше роскошества, чем то, что предстало передо мной внизу. Картины известных художников, статуэтки, позолоченные детали на мебели, огромные люстры – всё это убранство наверняка всю жизнь служило мечтой каких-нибудь грабителей, желающих разбогатеть. Родившись в семье, которая практически всегда экономила на самых простейших продуктах, вроде хлеба, я была до глубины души поражена тому, как же всё-таки бесппроблемно живут некоторые люди. Им не нужно ограничивать себя в чём-то, и даже наоборот – они вовсе тратят свои миллионы на подобную ерунду как элементы декора.

Вскоре мы остановились возле массивных двустворчатых дверей из тёмного дерева. Одна из створок была чуть приоткрыта – видимо, горничные только что закончили уборку, – и передо мной предстала часть огромной спальни.

Она выглядела настолько выверенной до каждого миллиметра, что казалась нежилой. Взгляд быстро скользнул по двуспальной кровати с откинутым в сторону полупрозрачным балдахином, абсолютно симметричным тумбам по бокам, холодному камину и большому шкафу... Чуть дальше пространство разделяла арка, за которой угадывались очертания чёрного рояля и ещё две закрытые двери. Ни одной лишней детали. Ни единой пылинки.

– Это комната Энтони, – произнесла Лолли и, потянувшись к ручке, осторожно прикрыла тяжёлую створку. – Сюда без прямого разрешения входить строго запрещено.

Потом она как-то странно огляделась по сторонам, будто желая убедиться в том, что нас никто не подслушивает, а затем продолжила почти шёпотом:

– У мистера Максвона, как мы считаем, есть некая... психическая особенность.

Я нагло соврала бы, если бы сказала, что меня это не заинтересовало, поэтому я невольно немного наклонилась к женщине.

– Что-то вроде ОКР³, – видно, довольная тем, что мне стало любопытно, продолжила Лола. – Никто из врачей нам, конечно, не докладывал, но если понаблюдать за его поведением... Мы частенько видим, как он судорожно поправляет книги, бумаги, тетради или ручки на своём столе. Постоянно. И он ужасно злится, если кто-то входит в его комнату и переставляет какую-нибудь вещь, пусть даже совсем маленькую и незначительную. – Она многозначительно кивнула на закрытую дверь. – Так что этот идеальный порядок там – не просто прихоть прислуги. Наверняка в его голове всё-таки сидит что-то такое.

Я особого значения её словам не придавала, мне не было никакого дела до каких-то своеобразных заморочек хозяев этого дома, но сделала вид, что всё поняла. Но в самом-то деле,

³ Обсессивно-компульсивное расстройство – это заболевание, вызывающее навязчивые мысли, которые могут привести к компульсивным действиям.

конечно, я действительно поняла, что не буду входить в эту комнату без разрешения мистера Максвона, да и не собиралась. Одно лишь моё воспитание не позволило бы мне входить в чужие спальни без условного стука в дверь.

– Но это ещё не всё, – вдруг прошептала Лола, когда уже закрыла дверь и повернулась ко мне. – Есть ещё кое-что, о чём тебе, наверное, было бы интересно послушать.

Я уже поняла всю суть этой полноватой женщины с забавным прозвищем Лолли и её любовь к сплетням и подобной ерунде, и мне было хорошо известно, что от таких людей сложно избавиться, поэтому просто смиренно стояла на месте, делая вид, что мне жуть как интересно.

И тут она начала что-то говорить, как неожиданно прозвучал голос. Лола тут же замолкла, будто до этого и не болтала без умолку. Я даже увидела, как она нервно сглотнула.

– Ты уже весь дом показала мисс Снелл? – спросил Энтони, закатывая рукава своей рубашки и направляясь к нам.

– Д-да, мистер Максвон, – закивала Лолли. – Как раз закончила показывать вашу комнату.

Он в ответ легонько улыбнулся и поблагодарил её. Я решила, что он подойдёт ко мне и даст первое задание, однако Энтони, полностью проигнорировав меня, просто вошёл в свою комнату и захлопнул дверь.

– Неважно, – отмахнулась Лола от самой себя, так и не закончив то, что хотела мне сказать. А потом сменила тему: – Твоя работа начнётся с завтрашнего дня.

И мы вместе двинулись дальше по коридору, чтобы я смогла познакомиться со своей временной комнатой.

После экскурсии и прощания с Лолли я наконец с радостью закрыла за собой дверь, довольно рассматривая просторную уютную комнату, выполненную в светлых тонах. Мой скромный чемодан, который своим обшарпанным видом никак не сочетался с окружающей обстановкой, уже стоял около кровати, а пустой шкаф был слегка приоткрыт. Я подошла к окну и отодвинула шторку в сторону, заворочившись открывающимся видом почти на весь Касл-Хилл целиком – зелёные поля и леса раскинулись вдоль и поперёк, стирая человечество, будто его в этом мирке не существует. Здесь потрясающе красиво.

Вернувшись обратно, я открыла чемодан и вытащила всю свою одежду. К комнате примыкала отдельная ванная комната, так что зубная щётка и паста, бритва, пара полотенец и пачка прокладок тут же заполнили её полочки. Моя немногочисленная одежда поместилась в шкаф и даже оставила кучу свободных мест. На туалетном столике появились мои любимые духи и расчёска.

Не знаю, чем я собираюсь заниматься до завтрашнего дня, но меньше всего мне хочется досаждать кому-либо из работников этого дома. Так что, полностью обустроившись, я достаю из чемодана свой дневник.

Никто не знал о том, что я веду дневник, в который записываю особенно важные события, случающиеся в моей жизни. Первую запись я оставила в свои семь, и это помогло мне пережить ту страшную боль.

Открыв дневник, я схватилась за ручку, и почти сразу на белом пустом листе появилась новая запись.

Сегодня мой первый день в особняке Максвонов. Этот дом просто необъятный!

Уже завтра приступлю к работе. Не знаю, что за задания мне будет давать Энтони, но уверена, что справлюсь.

Он, кстати, оказался симпатичнее, чем я себе представляла. Среди журналистов, следящих за его семьёй, ходят очень интересные его описания и прозвища. Его называют завидным женихом для лондонских красавиц. А

Энтони и в правду красавец, так что их понять ещё можно. Держу пари, Джудит без церемоний прыгнула бы на него, едва он показался бы перед ней.

В общем, посмотрим, что ждёт меня завтра, а пока я довольна тем, что приближаюсь к своей цели. Мне очень нужны эти деньги.

Глава 5

Социопат

Я ещё слышу этот ужасный грохот в ушах. И его голос, когда он кричал в прихожей:
– *Останешься тут! Поварись в этом дерьме, а когда придёшь в себя, я, так и быть, заберу тебя!*

А потом он ушёл. Оставив меня с Ней.

Это было несколько дней назад, но я хорошо помню, как это звучало.

Сейчас я стою на коленях в тёмной прихожей. Прямо на том месте, где он стоял, а потом ушёл.

Мои руки вытянуты вверх по стене, ладони прижаты к холодной двери.

Она сидит позади меня, на пуфике для обуви. И громко дышит. Они громко кричали, ужасно громко кричали друг на друга.

– *Ждёшь?*

Я вздрагиваю. Мои руки дрожат, но я изо всех сил держу ладони на двери. Если они сползут хоть на сантиметр, Она ударит меня по спине этой кожаной итуккой, которую сейчас держит в руке.

– *Папа...* – *шепчу я пересохшими губами, глотая слезы. – Он вернётся. Он всегда забирает меня. Он сильный.*

Она смеётся.

– *Сильный? Твой отец – трус. Жалкий, инфантильный трус.*

Она дёргает меня за рубашку и толкает в сторону. Мои руки сползают с двери, и я падаю.

– *Ему плевать на тебя.*

– *Нет!* – *всхлипываю я. – Нет, он сказал, что заберёт меня! Он меня любит!*

Папа, ну где же ты? Почему ты оставил меня здесь? Ты сейчас стоишь за дверью, да? Ты просто куришь на улице? Пожалуйста, открой дверь. Спаси меня.

Она резко хватает меня за волосы на затылке.

– *Слушай! Слушай внимательно! Ты слышишь его шаги? Слышишь, как он бежит по лестнице, чтобы спасти своего маленького мальчика?*

За дверью тихо.

– *Его там нет. – Её голос вдруг становится тихим. Она отпускает мои волосы и начинает гладить меня по спине. – Ты ждёшь героя, малыш. А героя не существует. Есть только эгоист.*

Я слышу свист воздуха, а потом кожаная итука со страшной силой бьёт меня по спине. Я кричу, срывая голос, и сворачиваюсь в комок на коврике у двери.

Она возвышается надо мной. И улыбается.

Ей нравится видеть, когда мне больно.

* * *

Получив на почту письмо от нашего инженера-буровика, отвечающего за проектирование и строительство буровых платформ и проведение добычи нефти и газа, я как можно скорее отправил ему свой ответ, а затем с великим удовольствием захлопнул ноутбук. Работа на сегодня закончена.

В моей спальне было тихо.

Блаженно, умиротворённо и почти до невозможности приятно. Я взглянул на книги, что стояли надо мной ровными стопками на полке, пересчитал их, перебрал по цветам и смог расслабиться. Этот ритуал я совершал каждый раз, когда мне предстояло провести много часов за ноутбуком.

Я встал с кресла и хрустнул шеей. Снял рубашку, надел новую и позвонил на кухню, попросив принести мне белого сухого вина. Спустя всего минуту он оказался около моей комнаты.

– Как осваивается мисс Снелл? – спросил я пришедшую с подносом в руке девушку с каштановыми волосами

каштановыми

каштановыми

каштановыми...

– Всё хорошо, – улыбнулась она мне, затем опустила глаза, проходя в спальню глубже. Я проводил её взглядом, оглядел с ног до головы, подметив, как бела и свежа её кожа *как было бы здорово повалить её на кровать и привязать за руки. Взять нож, сделать пару надрезов и смотреть, как она в страхе просит меня отпустить её, как плачет и захлёбывается в слезах*

как она боится меня

о да, да, да. Прекрасно, слишком прекрасно

Я прикрыл глаза, и мне так понравились мои мысли, что сердце судорожно застучало в груди, будто приятно возбуждённое.

Потом почему-то в голове возникли картины, пропитанные чем-то алым и сочным. Да, безумно красивые картины, само совершенство, отдельный вид искусства. Это была стекающая кровь, острое лезвие, падающее на пол, окровавленная кровать, разбросанная одежда и тело с перерезанным горлом. Я видел, как оно лежит мёртвое, бледное и уже холодное. Я почти ощутил эту прохладу на кончиках пальцев.

что это?

интересно...

Я встал и тихо подошёл к горничной сзади. Чаще всего я видел её раскладывающей еду во время завтраков. Та самая девушка, бросающая на меня взгляды тем вечером, когда к нам наведальсь Лоусоны. Да. Это она.

– Ещё чего-нибудь, мистер Максвон? – спросила прислуга.

Но когда она повернулась, то едва не отшатнулась от неожиданности, я стоял всего в нескольких миллиметрах от неё. Она сглотнула, а я невольно опустил взгляд на её белую тонкую шею. Такую, чёрт, тонкую, что я мог бы одной рукой, не прикладывая особых сил, сжать её до хруста в позвоночнике. И этот хруст в голове у меня тут же заиграл приятной мелодией.

Чёрт, а почему бы мне не попробовать? Ведь жизнь слишком коротка, чтобы отказывать себе в удовольствиях!

– Мистер Мак... – произнесла девушка, судорожно глотая ртом воздух.

Но не от страха она это делала, нет.

Мы оба были возбуждены. Правда, в разных значениях. Она явно меня хотела.

Я осторожно провёл рукой по её кудрям так, будто хочу показаться ей нежным. Она прикрыла глаза, и плечи её опустились, словно всего несколько секунд назад напряжение текло по венам вместо крови, и только в эту секунду она смогла расслабиться.

– Ничего не говори, – прошептал я.

А рука моя сначала скользила по её голове, по волосам, опускаясь всё ниже и ниже, затем обхватила её белую шейку. И ей это нравилось, я видел, как грудь вздымалась, как сердце постукивало, заставляя кожу вибрировать.

Но мне пока нравилось не особо.

– Хочешь, я заставлю тебя стонать? – спросил я игриво.

Она нервно сглотнула.

Конечно, хочет.

Опустившись на колени, я, желая расслабить её и отмахнуть все сомнения, сунул руки ей под юбку. Нашупал тонкий материал её нижнего белья, через который ясно ощутил мягкую кожу гладкого лобка. Глянув на неё снизу-вверх и наградив довольной ухмылкой

я представил, как с силой сжимаю ей клитор и одновременно с этим грубо толкаю пальцы в её наверняка тугую вагину. Она теряет связь между болью и удовольствием, но в следующую секунду (слишком поздно) понимает, что я нещадно рву ей плоть, оставляя одно кровоточащее мясо

Ох, вот хрень, член от этих мыслей затвердел точно камень.

Через тонкую ткань её трусиков я сперва погладил большим пальцем её лобок, затем опустил чуть ниже и начал массировать область клитора, заставив её согнуться в экстазе. Маленькая шлюшка.

Она тяжело выдохнула, когда я отодвинул трусики в сторону и прижал пальцы к её входу, массируя его, словно дразня.

Но мне по-прежнему не нравилось до такой степени, чтобы расслабиться. Я был напряжён,

горел от желания, сука, искупаться в её крови

Я ввёл сразу два пальца, а второй рукой крепко схватил её за задницу. Она издала глухой стон и раздвинула ноги чуть шире, давая мне разрешение для продолжения. Я усмехнулся, но...

этого мало, совсем мало. это неинтересно, скучно и однообразно. я трахал многих, таким же способом, мне нужно что-то другое, что-то большее

И тогда я вынул пальцы из её влажной горячей вагины, встал и закрыл ей рот одной рукой, второй схватив её за шею. Она, наверное, почувствовала что-то неладное, так как быстро открыла глаза и взглянула на меня, наверняка пытаясь понять, игра ли это или что-то более серьёзное.

Я толкнул её к стене, сильнее сжав ладонь на шее.

На моих губах дрогнула ухмылка. Она описала все бушующие во мне чувства, стала неким знаком того, что я собираюсь сделать. А девушка теперь немного дёрнулась, а в её глазах что-то появилось.

И, чёрт возьми, какое же блаженство я испытал, когда увидел *это* в её глазах. Страх и только зарождающийся ужас, которые вскружили мне голову. Что-то, что просто невозможно описать словами. И *это* так красиво сочеталось с её *каштановыми* волосами...

Я сжал ей губы, почти вонзив всё ещё немного мокрые от её же влаги пальцы в щёки, а она издала какой-то писк. Я увидел, как её рука поднялась, чтобы оттолкнуть меня в сторону, но, конечно, я не дал этому случиться.

– Ммм, – что-то промычала она в мою ладонь, а взгляд бегал по всей комнате.

Она слишком слабая, слишком хрупкая и тощая, чтобы оказывать сопротивление. И так дело не пойдёт.

Мне хотелось с ней играть. В кошки-мышки, где она беззащитная жертва, а я кровожадный хищник, готовый разорвать её на кусочки.

Я немного ослабил хватку, дав ей возможность вырваться.

– Мистер... – Она учащённо дышала, потирая шею. – Мистер Максвон... Что это...

– Ничего. – Я улыбнулся, точно так же, как всегда делал, когда использовал искусство манипулирования. – Всё хорошо, милашка.

– Извините, но я должна идти работать.

Она быстро прошла мимо меня прямо к двери, чтобы покинуть мою комнату. Но это ведь игра. Нужно было дать ей крохотную надежду и быстро её отобрать.

– Нет, – улыбнулся я ещё шире, схватив её за запястье. – Ты отсюда не выйдешь. Я ещё не закончил.

– Я... – Она похлопала своими глазками, будто лишь взглянув в них, я мог передумать. Но я ведь не так слаб. – Простите, но...

В следующую секунду я прижал её к двери. От неё исходил достаточно приятный аромат, чтобы я облизнулся, умирая от желания попробовать её. Я уткнулся носом в каштановые волосы, рукой вновь возвращаясь к шее, и меня передёрнуло от необъяснимого ужаса. Она будто бы и не сопротивлялась, когда вторая моя рука начала блуждать по её телу в поисках чего-то, что можно будет

вырвать вырвать вырвать и сломать, заставив её истекать кровью и кричать от боли.

– Давай займёмся сексом? – предложил я с глумливой улыбкой, искренне веря, что она не против. – Я так тебя хочу.

Она не была против.

Я потянулся к выдвижному ящику стоящего рядом шкафа и вытащил нож, успешно замаскировав свои действия под доставание презерватива. А ножик оказался такой острый, что при одном взгляде на него, казалось, можно было порезаться. Я долго хранил его там, любовался, представлял себе много чего, получал удовольствие, но никогда не думал, что мне придётся его использовать в самом деле.

Нож с золотой рукояткой с небольшим кусочком настоящего рубина и сверкающим лезвием, который служил украшением моей комнаты, пока я не снял его со стены, чтобы подержать в руках, а затем просто не смог повесить его обратно. Он достался нам в наследство от какого-то по счёту дедушки. Я не вдавался в подробности; влюбился в это чудесное орудие с первого взгляда, а на остальное мне было плевать.

Вот день, когда я могу пустить этот ножик в ход, кажется, настал.

– Ложись на кровать, – прошептал я. – Без лишних разговоров. Просто ложись.

Она повернулась ко мне и покачала головой.

– Простите, но я не могу... У меня есть жених.

Как очаровательно, что она решила вспомнить об этом после того, как я трахнул её пальцами. Или, может, это так подействовал страх, который коснулся её кожи и покрыл мурашками.

Я вновь улыбнулся, словно меня растрогали её слова, однако нож всё так же держал в руке.

Но она его на этот раз заметила.

В глазах возникло сначала изумление, затем недопонимание, и только когда наши взгляды встретились, она всё прекрасно поняла.

Она схватила ручку двери, но я всего одной рукой толкнул её на кровать, почти не прикладывая никаких сил. Очень лёгкая, как пёрышко, хрупкая, как хрусталь. Она упала, и я залез за ней, нависая над её дрожащим тельцем.

– Издашь хоть звук, и я вырву тебе сердце голыми руками, – прошипел я, наклонившись ближе к её уху. – Веришь?

Она всхлипнула, но чёткого ответа так и не дала. Я с ярым удовольствием сжал ей тонкую шейку одной рукой, а второй медленно заскользил лезвием по белой нежной коже. Такой же нежной, что лепестки благоухающей розы. Я прикрыл глаза на секунду

и представил, как, должно быть, здорово кровь смотрелась бы на белизне этой кожи

Ощущение прохладного металла останавливало любую резкую попытку девушки сделать хоть что-то во имя сохранения своей жизни.

– Ты не собираешься сопротивляться? – сказал я почти разочарованно. – Не собираешься бороться за свою никчёмную жизнь?

Она беззвучно заплакала. Из блестящих глаз струились крупные слёзы, стекали по её волосам прямо на простыни, а я с великим наслаждением наблюдал за этим, выхватывая каждую слезинку взглядом. Затем опустил лицо ниже и слизнул одну из них языком с её мягкой щеки. Она от такого действия испуганно вжалась в кровать сильнее, а я смаковал солоноватый вкус у себя во рту. Затем издал краткий смешок.

Нет чувства более приятного. Да, нет ничего приятнее, чем лицезреть никчёмность, жалкость и хрупкость чьей-то жизни. Ты можешь просто забрать её, когда тебе вздумается. Ты решаешь, когда и кто умрёт, следует лишь взять в руку острый нож.

Всё.

Ты словно Бог в своём мире.

Ох, чёрт... Вот же дерьмо!

Возбуждение превысило все нормы. Оно бурлило у меня в крови, разгорячив всё тело и заставляя сердце стучаться о грудную клетку с такой мощностью, что я был готов дать ему разрешение вылететь наружу.

– Пожалуйста... – прошептала девушка подо мной.

– Ты мне нравишься, милая, – произнёс я, поглаживая её волосы. – Правда, нравишься. И поэтому я выбрал тебя как свою первую.

Она больше ничего не сказала. Просто не успела.

Я перерезал ей глотку одним резким взмахом ножа и слегка отпрянул, чтобы взглянуть на результат. Её шейку в миг украсило тёмно-красное кровоточащее ожерелье. Свежая кровь хлынула с такой силой, что брызнула мне в лицо, и я облизнул губы, наслаждаясь этим восхитительным вкусом. Таким, что я был готов выцедить всю кровь из её шеи в бокал и выпить её до дна, как грёбанный Дракула. Она обрызгала простыни, испачкала мою рубашку. А девушка подо мной, ещё живая, дёргалась в агонии, пока её рот издавал хлюпающие звуки. Глаза раскрылись, будто она только сейчас осознала, что я только что сделал с ней.

Я недовольно оглядел её жалкие попытки глотнуть воздуха, который, как ей, наверное, казалось, был способен спасти жизнь. Её маленькая аккуратная грудь резко поднималась и опускалась в такт активному хлюпанью.

– О, да, – прошептал я, касаясь её губ и кусая их. – Какое же это наслаждение, да, милая? Тело судорожно тряслось, так что мне надоело за этим наблюдать.

Тогда я сильно сжал ей шею обеими руками. Вообще, мне вполне хватило бы сил задушить это жалкое существо, используя лишь одну руку, но мне хотелось запачкать в крови обе, чёрт возьми.

Совсем скоро девушка перестала издавать какие-либо звуки и замерла. Её руки скользнули по моим запястьям, упали на кровать, а грудь больше не вздымалась, свидетельствуя о смерти.

Осознание пришло не сразу.

Только спустя вечные минуты, часы, дни, недели, года и века. Осознание того, что только что я забрал жизнь в свои руки, вершил судьбу, прибрал отдельную маленькую вселенную, какая хранилась в чудной головке этой девчонки. Вот она была, живая, ощущала, дышала, а теперь её нет, и всё благодаря мне.

Так я совершил первый Акт Освобождения.

Так я его назвал.

Неожиданный, спонтанный, но до дрожи приятный. Меня одолело какое-то спокойствие, подобное тишине в каком-нибудь провинциальном городке, окружённом лесом. Мне стало хорошо. В голове засверкали искорки безмерного счастья, словно я добился того, чего давно желал.

Я откинул нож, заляпанный кровью по самую рукоятку, запачканными пальцами закатал рукава рубашки, провёл рукой по волосам, наверное, и на них оставляя полосы красного цвета.

Оглядев труп, я понял, что нужно его куда-то припрятать. Это решение пробралось в мою голову спонтанно. Как-то автоматически. Я даже не успел толком подумать.

В моём кабинете, примыкающей к спальне, стоял крупный сейф для документов, и одна полка, которая скрывалась за железной дверцей, защищённой паролем, оставалась пустой со дня своего тут появления. Но она недостаточно широкая, чтобы я смог сложить внутрь целое тело.

Посмотрим, что можно будет с этим сделать.

Сначала я раздел девушку, выбросив весь её наряд в камин, в котором разжёл огонь, снял с неё серёжки и цепочку, на которой были выгравированы имена: мужское и женское. Должно быть, подарок от её жениха, о котором она мне поведала всего несколько минут назад. Украшения полетели в ящик моей прикроватной тумбы. Потом я завязал ей волосы в пучок, чтобы они не путались у меня между пальцев.

Я взглянул на нож, пытаюсь прикинуть, понадобится ли он мне снова, а затем всё-таки взял его и подошёл к мёртвой девушке. Я срезал несколько прядей каштановых волос, которые сунул в выдвижной ящик той же тумбы, где сложил украшения.

Потом принялся думать, что делать дальше.

Я мог бы отделить части тела и разложить их по свободной полке. Однако в этом случае мне пришлось бы ещё долго отмывать комнату от крови. Мне этого совершенно не хотелось делать, так что я просто прибегнул к другому варианту.

Я схватил её руку у плеча и резко вывернул. Пришлось приложить немало усилий, чтобы раздался долгожданный хруст, и кость выскочила из сустава. Таким образом, теперь её рука висела как на тонкой нитке и совсем больше мне не мешала. То же самое я проделал с остальными конечностями, сломал ей позвоночник, шею. Мышцы моих рук гудели от проделанной нелёгкой работы. Изнутри девушка наверняка страдала бы от кровоизлияния, если бы что-то чувствовала, но снаружи зато всё чисто и нет нужды в том, чтобы запастись тряпками и чистящими средствами.

Теперь передо мной лежал не человек, а тряпичная кукла, которую я смог сложить в сейф: теперь же она отлично уместилась внутри, хотя и теснилась в некоторых местах, упираясь в стенки.

Я захлопнул дверцу сейфа, и она автоматически заперлась. Никто не узнает о том, что я сделал. Никто не найдёт её.

Мои руки были почти по локоть залепаны в крови, и я быстро миновал кровать и вошёл в свою личную ванную комнату. Прохладная вода из-под крана живо смыла липкую жидкость с моей кожи, и теперь я почти не выдавал никаких признаков о совершённом убийстве. Разве что меня выдавало какое-то странное облегчение и удовольствие о содеянном, отражающиеся на моём лице. Я видел это в своих собственных глазах, когда смотрел на отражение в зеркале.

Мы можем много размышлять о ценности человеческой жизни, но это пустая трата времени. Нет такого понятия как «ценность». Люди просто не хотят умирать, не хотят испытывать боль и сталкиваться со страшной неизвестностью. Верующие думают, что попадут в Рай, ведь они верили в Бога и поклонялись ему, неверующие посчитают, что после смерти всего лишь исчезнут без следа. У жизни нет смысла. Каждый придумывает смысл себе сам. А значит, и никакой грёбаной ценности тоже попросту не существует.

Смакуя свои размышления, я вышел из ванной и вновь оглядел место, на котором только что лежал труп. Кровь была на простынях и одеяле. Немного брызнуло и на подушки, так что я снял бельё и выбросил всё в камин вслед за одеждой. Никто не станет расспрашивать, что случилось с постелью. Горничные, периодически убирающиеся в моей комнате, просто принесут новое бельё.

Я вышел из спальни, по-прежнему ощущая себя обновлённым и полным энергии. Мне казалось, что я совершил нечто освобождающее от бремени, о котором даже не был в курсе.

Всё произошло так спонтанно, так быстро и так легко, что я сперва даже засомневался: а не очередной ли это сон? Но моё колотящееся в груди сердце и слабый привкус крови, который ощущался на кончике языка, говорили об обратном.

Надо же, только вчера я получал эти послания в собственной голове, а сегодня всё же испробовал изящество смерти на чужой тушке.

Телефон в кармане штанов оповестил меня о важном событии на сегодня, вырывая из царства блаженных мыслей, и я вспомнил, что на сегодня была назначена встреча с очередным дружкой отца, чтобы обсудить детали предстоящего проекта. А скорая вечеринка по случаю моего дня рождения наверняка продлится либо до поздней ночи, либо до самого утра.

Мимо меня как раз проходила горничная, словно прочитав мысли о моих намерениях. Я остановил её, сказав, что мне нужна Аника Снелл, и она кивнула.

Уже спустя лишь пару минут юная мисс Снелл с невинными голубыми глазами и хрупкой фигурой подошла ко мне, держа в руке заготовленный для записей блокнот. Она уже собрала свои волосы в пучок, переоделась и стояла передо мной уже полностью готовая к работе.

Интересно, сколько ей лет? Наверняка студентка. Двадцать? Может, двадцать один?

– Вы звали меня, мистер Максвон? – спросила она, немного смущаясь, когда я не произнёс ни слова.

– Я помню, ты должна приступать к своим обязанностям завтра, но было бы здорово, если бы ты начала уже сегодня. Ты же свободна?

Она прочистила горло и кивнула.

Я продолжил:

– Так вышло, что у меня сегодня день рождения. Вечером должны приехать гости. Приглашения рассылать не нужно, так как мой близкий друг уже об этом позаботился. От тебя требуется организация вечеринки в стиле викторианской эпохи. Украсьте гостиную подобающим образом. Ещё закажи мне подходящую одежду.

Девушка записывала каждое моё слово и периодически кивала.

– Всё должно быть готово к семи вечера. Если понадобится помощь, вопросы или ещё нечто подобного характера, обращайся к Лоле. Всё понятно?

– Да, мистер Максвон. – Она быстро записала время в свой блокнот, обвела его кругом и улыбнулась. – Будет сделано.

– Вот и хорошо. После того, как выполнишь задание, можешь идти отдыхать и заняться, чем захочешь.

Аника убрала ручку, прижала блокнот к своей груди и ушла в другую сторону.

Я проводил её взглядом, смотрел на светлые волосы, на маленький рост и общую миниатюрность её фигуры, внутренне вдруг осознавая, что мне понадобится ещё.

Я хотел ещё.

Но почему-то не её.

Глава 6

Игрушка

Задачка была не из лёгких.

В первый же рабочий день всего за несколько часов подготовить вечеринку в определённом стиле, да ещё и позаботиться о том, чтобы у именинника был подобающий наряд...

Сперва я заказала одежду для Энтони Максвона, используя те мерки, что мне вручила одна из приставленных помощниц. Костюм обещали привезти через пару часов. Затем я принялась за организацию внешнего вида гостиной.

Я пробежалась по номерам, которыми был исписан толстенный справочник, который я нашла в прихожей. Среди сотен номеров каких только не было. Любые виды услуг, начиная от врачей и заканчивая эскортницами.

Мне запрещено пользоваться интернетом во время пребывания в особняке Максвонов – одно из условий, что были изложены в договоре. Думаю, всё это лишь малая часть мер безопасности. Максвоны достаточно богаты, известны... В общем, публичные личности. Наверняка им просто хочется избежать слитых в сеть фотографий их дома или даже их самих.

Беря во внимание отсутствие интернета, справочник с номерами пришёлся мне как раз кстати.

– Как продвигается работа?

От неожиданности я вздрогнула, едва не уронив толстенный учебник из рук. Затем обернулась.

Это была Лола. Мы с ней пообщались лишь пару раз, но я уже отчётливо запомнила её развесёлый голос и необычный акцент. Судя по внешности и этой особой манере выговаривать слова, она приехала откуда-то с Ямайки, а может, из Нигерии или Ганы. Для Англии это привычное дело – у нас полно выходцев из бывших колоний, так что такой колорит давно стал частью местной жизни.

– Неплохо. – Я улыбнулась, продолжив своё занятие. – Мне нужно организовать вечеринку в честь дня рождения мистера Максвона. Вот этим сейчас и занимаюсь.

– Ах, да! Нашему Энтони исполняется двадцать три! До чего же быстро он повзрослел.

Я подумала, что было бы неплохо немного узнать о моём временном боссе, пока я ищу нужные мне номера и записываю в своих контактах, так что я спросила:

– А как давно вы знаете мистера Максвона?

Лолли уселась на стул и поправила свой фартук, уже запачканный двумя тёмными пятнами, похожими на следы от кофе.

– Я работаю у этой семьи сколько себя помню, – ответила она. – Лет тридцать, точно. Я помню ещё те дни, когда Энтони только учился ходить.

Обычно при таких рассказах человек, как мне казалось, должен улыбаться, ну или хотя бы его лицо должно выражать какие-то приятные эмоции. Однако ничего из этого я на лице Лолы не увидела.

– В семье произошло что-то плохое? – спросила я, думая, что немного догадываюсь, в чём может быть причина такого вида женщины.

– А? – Она будто успела уйти с головой в мысли, а потом резко вынырнула и растерянно поморгала глазами. – Что?

– Вы просто выглядите так, словно тоскуете по чему-то. Вот я и предположила.

Лолли опустила взгляд, снова уйдя в себя, а я всё так же стояла, наклонившись к справочнику с номерами телефонов и адресами.

– На самом деле да, было кое-что. Но, боюсь, я не в праве тебе об этом рассказывать. Семья постаралась забыть о произошедшем, и то же самое должны сделать и мы. Хотя такое очень сложно держать в себе.

Звучало всё это очень мрачно и странно, но я никогда не стала бы лезть в чужую жизнь, так что никаких просьб раскрыть мне детали от меня не последовало. Вместо этого я вернулась к своей работе и решила задать другой вопрос:

– А мистер Максвон... Я имею в виду Энтони... Он нигде не учится?

– Он уже окончил университет Бирмингема и Лондонскую школу бизнеса. – Лолли вернулась к былой беззаботности всего за секунду. – А сейчас занимается тем же, что и его отец. Говорят, Максвон-старший совсем скоро передаст свой бизнес сыну. Я уверена, Энтони со всем прекрасно справится. Он очень умный и одарённый мальчик. К тому же отец учил его этому ремеслу с детства, всюду таская по разным бизнес-встречам.

Я кивнула, продолжая набирать номер в телефоне.

– А что насчёт тебя, милая? – спросила она. – Как ты оказалась в этом доме?

– Я учусь в Кингстонском университете. Хотелось подработать во время летних каникул, а мне как раз предложили попробовать подать заявку на стажировку в компании Максвонов, – ответила я. – Согласилась, поскольку денег мне нужно достаточно много, чтобы...

Я закусила губу, прервав себя на моменте, когда с губ едва не слетела причина моей погони за хорошими деньгами. Всё-таки не хотелось втягивать в этот вопрос чужих людей.

Лола выждала небольшую паузу, полагая, видимо, что я продолжу, но вскоре просто кивнула, заговорив сама:

– Я вижу, ты очень целеустремлённая девочка, Аника. Побольше бы таких девушек в нашем обществе. Думаю, ты справишься со своей работой и получишь заслуженное вознаграждение. Если тебе нужна будет какая-то помощь, просто найди меня. Я обязательно тебе помогу всем, чем смогу.

– Спасибо. – Я искренне улыбнулась ей в ответ.

Она погладила меня по волосам и чуть задержала руку. В её тёмно-карих глазах снова отразилась эта необъяснимая тоска, которую я видела всего минуту назад.

Раздались шаги со стороны ведущей вверх лестницы, и я машинально повернула голову вправо, потому что эти шаги оказались единственным нарушающим тишину звуком.

На первый этаж спускался Энтони Максвон.

Он был одет немного иначе, чем до этого, но находился всё в том же формальном виде: белая рубашка, галстук, чёрные штаны и сверкающие туфли. Его светлые волосы были аккуратно зачёсаны назад, и всем своим видом он мне напоминал прекрасных принцев из сказок.

Я пришла в себя только тогда, когда он уже приблизился к нам, и уловила его ненавязчивый, но очень глубокий парфюм, который навевал мысли о трещащем огне в камине и холодной дождливой ночи за окном.

– О, Лолли, я как раз искал вас. Я вынужден отъехать по делам. Нужно встретиться с одним бизнес-партнёром и обсудить кое-какие условия. Дом оставляю в ваших заботливых руках. Правила вы знаете: в мою спальню никому не входить и двери никому не открывать.

Он сказал всё это с шуточным тоном, поэтому Лола негромко хихикнула, а я только сейчас заметила, что неотрывно смотрела на его лицо. Он был красив той неброской красотой, что не кричала о себе, а тихо пленяла. Опасное качество.

Энтони неожиданно переключил внимание на меня, взглянув точно мне в глаза. Пронзительно, остро, даже немного пугающе, что я одёрнула себя, смущённо поморгав.

– А тебе, Аника, желаю удачи в твой первый день. – Он мне очень мило улыбнулся, что я не смогла не улыбнуться в ответ. – Ещё увидимся, дамы.

Он обошёл нас, принял поднесённое из ниоткуда взявшейся горничной пальто и вышел на улицу, оставив после себя шлейф из приятного аромата, всё также щекотавшего мне ноздри.

– Что ж, действительно, удачи, милая. – Как только Лола снова заговорила, я пришла в себя. – А я пойду на кухню, потороплю девочек с обедом. Ты, наверное, тоже уже успела проголодаться.

Она не дала мне ответить, а просто мигом помчалась к двери позади меня, откуда моментами доносились звуки посуды, голоса и топот ног.

Мне ничего не оставалось, как вернуться к своей работе – к переносу необходимых номеров в свой телефон, периодически напоминая себе, что всегда нужно оставаться начеку.

Особенно когда однажды тебя глубоко ранили.

От нахлынувших мыслей я замерла, открыв справочник на необходимой мне странице – с номерами ивент-агентств, кейтеринга и декораторов. В груди болью кольнуло, как мне казалось, давно потухшее чувство ужаса и страха.

Раньше они преследовали меня по ночам первые несколько месяцев после того, как я начала жить с девочками в съёмной квартире. Я просыпалась в холодном поту, иногда рыдала в подушку, а в комнату панически врывалась либо Эмма, либо Рита. Им, наверное, было даже страшнее, потому что я никогда не рассказывала правды о себе.

Никто никогда до конца не знал, что творится в моей душе.

Но со временем я научилась жить с этим. Игнорировать тяжесть в груди, едва я слышала, что рассказывали о своих родителях подруги.

И единственным, что осталось от прошлого, стали шрамы внизу живота – длинные уродливые рисунки, которые когда-то кровоточили.

Может быть, я просто забуду об их существовании когда-нибудь.

Может быть, когда-то, но пока не сегодня.

* * *

В гостиной вовсю кипела работа.

Под моим руководством на столе аккуратно раскладывали классические английские закуски и алкогольные напитки. Люди превратились в пятнышки, пролетающие мимо. Торопиться причин не было, но нанятые работники из лондонского кейтеринга, прибывшие к месту всего за полчаса, расхаживали по гостиной с удивительной скоростью, будто куда-то спешили. Может, они просто хотели поскорее убраться из этого места. Особняк Максвонов пугал даже меня.

– Разложите бутылки на том столе, – инструктировала я, чётко придерживаясь своего плана.

И люди тут же стремились исполнять мою волю.

Это был достаточно интересный опыт.

Я была похожа на дирижёра, управляющегося с целым оркестром. По моей команде выполняли все мелочи.

Невольно я улыбнулась. Мне нравился порядок. Очень даже нравился. И больше всего я не любила хаос.

Телефон в кармане моей бежевой блузки завибрировал, вынув из омуты приятных мыслей. Мне звонила Джудит.

Я отошла в прихожую, чтобы ответить на звонок, потому что Джудит очень не любила, когда её игнорировали, а я не хотела бы выслушивать её недовольство.

– Да? – произнесла я в трубку.

– Хай, детка. Как поживаешь? Я хотела позвонить тебе ещё раньше, но как-то времени не нашлось.

– Всё хорошо. Мне выделили очень хорошую комнату. Вкусно завтракаю, обедаю и ужинаю. Обязанностей таких непосильно трудных нет.

– Я знала, что так оно и будет. – Не понадобилось много времени, чтобы определить по голосу Джудит, что она явно перебрала с алкоголем. – Ты развлекаешься там, а я развлекаюсь с Фрэнсисом.

– С Фрэнсисом?

– Да, тот горячий парень, с которым мы как-то столкнулись в парке. Не помнишь, что ли? По правде говоря, трудно было бы запомнить и половину её ухажёров. Их было так много, что я давно сбилась со счёта и перестала вообще запоминать: имена превратились в кучки букв, перемешанные друг с другом.

– Помню, – соврала я, не желая с самого начала выслушивать от неё рассказ о встрече с этим Фрэнсисом. – Слушай, ты поосторожнее. Не стоит доверять каждому встречному. Взяла бы с собой кого-нибудь из девочек.

– Ты не понимаешь, Аника. Я самая крутая девчонка в городе. Уложу любого мужика... К себе в постель, конечно же!

И она громко рассмеялась от своей реплики. Должно быть, выпила даже гораздо больше, чем я предположила ранее.

Меня не на шутку встревожила эта ситуация.

Так мне приходилось проживать каждый день, проведённый в университете. Джудит часто напивалась в каком-нибудь клубе в центре города, связывалась с очередным парнем, а потом звонила мне, бубнила что-то в трубку, иногда на что-то жаловалась, а я выслушивала и волновалась. Чаще всего сразу после разговора с ней я звонила её брату, Трэвору, чтобы он забрал свою неугомонную сестру, но вместо этого он бросал мне нечто вроде: «Мне некогда приглядывать за своей сестрёнкой-проституткой. Советую и тебе расслабиться уже».

Джудит была глубоко несчастна в семье. Это я знала точно. Ведь именно поэтому она ненавидела каникулы и заменяла поездку домой какой-нибудь изнуряющей работой, которая не отталкивала её даже тем, что могла подпортить новенькие ноготки, за которые она отдала кучу денег в салоне.

– Фрэнсис меня не обидит! – продолжала Джудит. – Не волнуйся, Аника! Лучше расскажи мне об Энтони Максвоне.

– Ты пьяна сейчас, Джудит. Поговорим об этом позже, ладно? Да и мне надо уже идти.

– Ладно-ладно. Хорошо, так уж и быть. Я сама тебе позвоню. Пока-а-а, детка!

Она сбросила звонок, а я всё так же осталась с тяжёлым волнением в сердце. Но мне пришлось от него избавиться, ибо работа в гостинице всё ещё кипела.

– Мисс Снелл, куда нам установить колонки? – спросил, подходя ко мне, юноша, да ещё и с таким тоном, словно я была на десять лет старше него.

Но мне понравилась эта официальность.

– Вот в тот угол, – сверяясь со своими набросками в тетради, сказала я. – Один туда, а второй лучше вон туда. И следите за тем, чтобы они не преграждали никому путь.

У вечеринки был дресс-код: викторианская эпоха. Так что дом должен был выглядеть подобающе выбранной тематике, разве что с небольшим нарушением – можно разбавить старинный стиль. Я подобрала золотистые воздушные шары. К ним прикрепили атласные ленты в тёмно-бордовых и чёрных тонах, а затем развесили по периметру гостиной, разбавив гирляндой из золотых искусственных листьев.

На столах уже стояли хрустальные канделябры со свечами. Столы были устланы бархатными скатертями. Я чётко сверила количество салфеток с количеством приглашённых гостей, чтобы не ошибиться.

Позднее в дом занесли живые цветы: розы, лилии и орхидеи, и в гостиной тут же запахло восхитительными ароматами, что я невольно прикрыла глаза от наслаждения. Их поместили в стеклянные вазы, в которые влили воду.

– Отлично. – Я улыбнулась доставившему их мужчине, подходя ближе и беря в руку протянутую мне ручку. – Спасибо. Вы доставили их даже гораздо раньше, чем я предполагала.

Я подписала протянутую им бумагу-подтверждение о получении заказа, и мужчина с замороженным лицом, рассматривая всё богатство и роскошество дома, всё-таки вышел, сопровождаемый одной из горничных.

– Аника, шоколадные конфеты уже принесли, – произнесла пока незнакомая мне девушка, просунув голову в дверной проём. – Нам уже их раскладывать?

– Да. Разложите их вместе с фруктами в вазах. – Говоря это, я внимательно и оценивающе взглянула на столы с закусками. Потом покачала головой. – Хотя нет. Конфеты пусть будут отдельно в коробочках. Фрукты в вазах. И оставшееся пространство заполните коктейлями: мартини, манхэттен и сеймуром.

Девушка кивнула, и её голова тут же исчезла за дверью.

В гостиной стоял небольшой шум: топот ног, тихие голоса и перешёптывания. Я делала вид, что не слышала лишних разговоров и обсуждений особняка и семьи Максвонов. Не очень-то хотелось разбираться. По крайней мере, я выполняла свою работу, а они свою.

– Выглядит очень неплохо, – заулыбалась Лола, появившись в гостиной с подносом с закусками, которые она приготовила с остальными поварами. – Энтони не любит отмечать свои дни рождения дома, и я удивлена, что он сделал исключение на этот раз. Может быть, из-за этой необычной тематики? Дом идеально вписался.

– Я очень надеюсь, что ему понравится всё, что я тут устроила, – нервно сказала я.

Женщина улыбнулась ещё шире, потрепала меня по щеке как маленького ребёнка и очень весело ответила:

– Очень понравится! Можешь в этом даже не сомневаться!

Я просто кивнула и вновь вернула взгляд на украшенную гостиную.

Закуски и напитки приняли свои места на принесённых столиках с искусной резьбой, красиво, аккуратно и ровно уложенные. Они были накрыты бархатными скатертями, идеально сочетавшимися с темой вечеринки. Стол посреди гостиной был заставлен вазами с фруктами, бутылками вина, шампанским и соком и тарелками с «холодными» блюдами: с салатами, ломтиками сыра, ветчины и другими закусками вроде канapé. Горячие блюда подадут, как и положено, горячими, и я была точно уверена, что на кухне вовсю суетились повара над их приготовлением.

В общем, я была полностью удовлетворена тем, как я тут всё организовала.

Главное – чтобы мистер Максвон остался мной доволен. Если я смогу продержаться на этой работе весь месяц, то заработаю достаточно, чтобы оплатить папино лечение. По моим расчётам, денег должно хватить. Ошибаться нельзя. Да и кто ещё взял бы студентку без опыта на такое место? Мне выпал невероятный шанс, настоящий подарок судьбы, и всё благодаря нашему декану, которая согласилась замолвить за меня словечко, подписывая характеристику.

Я не могу подвести родителей.

– Привет, Аника! – раздалось прямо возле моего уха.

От неожиданности я даже подпрыгнула на месте, едва не уронив свою тетрадь, в которой на скорую руку изобразила места, где были отмечены зона пищи, своеобразный танцпол и другие элементы декора.

– Упс, прости, – извинился парень, но не сумел сдержаться и издал смешок. – Не хотел тебя пугать.

– Ничего, – отмахнулась я. – А... мы знакомы?

– Пока нет, но вот сейчас познакомимся. – Парень с взъерошенными во все стороны кудрявыми каштановыми волосами смахнул с глаз чёлку и протянул мне свою нататуированную руку. – Привет ещё раз. Я Бруно. Главный специалист по созданию шума в этом слишком тихом доме. Будем знакомы.

Я пожала его смуглую руку с изображением непонятных мне символов и ответила, что мне приятно с ним познакомиться.

– Я тут продукты привожу. Всё-таки этот замок находится в жопе мира, и я как бы помогаю с тем, что тащу сюда всю жратву. Просто мне показалось, что нужно с тобой познакомиться, так как у меня нет здесь друзей. Может, мы сможем подружиться?

– Если честно, Бруно, мне совсем не до новых друзей, – честно решила ответить я, – так как полностью должна сосредоточиться на работе. Если я её потеряю, мне...

– Ты её не потеряешь.

– Спасибо за поддержку, конечно, но...

– Это была не поддержка. Я вполне серьёзно. – Бруно сунул руки в карманы и спиной прислонился к стене. – В общем, скажу по секрету, у этой богатой семейки никто не хочет работать. Почти сразу сваливают. Ты была большой радостью для хозяев, а значит, тобой разбрасываться не станут.

– А почему не хотят работать?

– Хрен его знает. Я сам тут всего года два торчу. Вернее, приезжаю. Но столько дерьма наслушался, что думаю о том, чтобы самому свалить. Меня как-то напрягает этот Энтони.

Я совершенно не поняла его слов, но продолжила молчать, ожидая продолжения. А Бруно действительно продолжил:

– Слишком он уж какой-то идеальный, понимаешь? Я таким людям не доверяю.

В этом я его хорошо понимала.

– Согласна, – кивнула я, улыбнувшись. – Но как бы там ни было, я не имею права считать своего босса странным, а потому воздержусь от комментариев, за которые могу быть уволена.

– Вот, к примеру, знала, что у него аж пять тачек? – игнорируя мои слова, продолжил парень. – А о том, сколько стоят его шмотки? Или вся мебель в его спальне, которую он взял за свои бабки?

– Ты определяешь идеальность человека по количеству его денег?

– Конечно. Бабки автоматически делают тебя идеальным. И если ты считаешь иначе, мне тебя жаль.

Хоть мне и впрямь не понравились его слова, вида никакого не показала. Я просто вернулась к осмотру своей небольшой карты гостиной, изображённой в тетради.

– Ну, короче, мы теперь знакомы, и если тебе вдруг станет скучно в свободное время – а поверь, тебе *будет* скучно, – милости прошу. Я бываю тут каждый день и подолгу засиживаюсь на кухне. Люблю пожрать за чужой счёт, а эта семейка слишком богата, чтобы обращать внимание на счета с продуктов, так что-о-о... – Он пожал плечами и цокнул. – В общем, увидимся ещё. Может даже чего-нибудь мрачного расскажу о доме.

И после этих слов он исчез из гостиной так же неожиданно, как и появился возле меня.

Я редко когда обращала внимание на странных людей: они скорее интриговали меня, чем пугали. Но встреча с Бруно насторожила, и я почему-то решила, что ничего от него не хочу слышать.

Позже, когда я смогла взять минутку на перерыв и отдых, в моём дневнике вскоре появилась новая запись.

К своим обязанностям я приступила уже сегодня. Организовала праздник в честь дня рождения мистера Максвона. Он решил устроить вечеринку в викторианском стиле, так что гости наверняка придут в подходящей одежде. Мне будет очень интересно за этим понаблюдать. Вряд ли я буду участвовать в праздновании, но, если меня не заметят, подкрадусь к двери и хотя бы гляну на гостей.

А ещё сегодня я познакомилась со странным работником дома. Он привозит продукты из города. Зовут Бруно. Мне кажется, он похож на Риту. Такой же любитель загадок и тайн.

Он предложил мне дружбу. Но я сомневаюсь, что мне это нужно. Я пока ему не доверяю. И неизвестно, буду ли когда-то.

Глава 7

Социопат

Плитка на полу холодная.

Я не двигаюсь. Если двигаться, будет хуже.

В большом зеркале нас двое. Я и Она.

Она стоит позади, и Её тень такая большая, что почти проглатывает меня целиком. Она похожа на красивую злую королеву из сказок. У неё тёмные волосы, красивые и идеальные.

Расчёска застревает в моих волосах. Она дёргает. Сильно. Я слышу, как рвутся волоски, а глаза становятся мокрыми. Но я молчу.

Нельзя плакать и говорить, что тебе больно. А то станет ещё больнее.

– Опять. Они опять вьются. Мерзость.

Её рука с длинными красными ногтями ложится мне на плечо и надавливает.

Она пахнет сладкими цветами и почему-то старыми монетами.

– Ты дрожишь? – шепчет Она прямо мне в макушку.

– Нет. – Мой голос похож на мышинный писк.

Она хватается мой подбородок пальцами. Её кожа холодная, как и пол. Она поворачивает лицо так, чтобы я смотрел прямо на свои глаза в зеркале.

– Смотри внимательно. Что ты видишь в этих глазах? Я скажу тебе. Я вижу его. Труса. Пустое место. Твои светлые глаза – это ужасно. Через них из тебя вытекает всё нужное. Любой может засунуть туда руку и вытащить твою жалкую душонку.

Я не понимаю, о чём она говорит, но она ещё что-то говорит. Говорит, что я уродец и плохой. Что мне уже целых семь лет, а я веду себя, как маленький.

Но я и есть маленький. Почему Она думает, что я большой?

Разве я большой, как папа? Я маленький.

Она давит на мои щёки сильнее. Внутри меня всё сжимается от страха, а в носу щиплет.

Только не плакать. Пожалуйста, только не плакать. Если из «светлых дыр» потечет вода, Она рассердится по-настоящему.

Я смотрю в зеркало. Мне жалко мальчика оттуда. Ему страшно, и он очень хочет спрятаться.

Она отпускает моё лицо, наклоняется совсем близко. И в этот момент заколка, державшая Её идеальную причёску, растёгивается.

И Её волосы падают мне на лицо, на шею, на плечи. Скользят по моим мокрым от слёз щекам. Одна из них попадает мне на разбитую губу.

– Твой отец никогда не придёт. Ты никому не нужен, кроме меня.

* * *

– Раз мы пришли к взаимовыгодному сотрудничеству, думаю, на этом можно считать нашу сделку завершённой.

Сказав это, мистер Хрен-Выговоришь-Имя встал и протянул мне морщинистую руку, которой этот старый сморщенный урод наверняка мастурбирует каждую ночь, когда жена в очередной раз шлёт его на хрен своими отговорками про больную голову.

Я вежливо улыбнулся ему и поблагодарил за проведённую встречу, сделав акцент на том, что его поездка до отеля заняла столько времени не зря. И плевать мне, что после этой сделки его компания может развалиться к чёртовой матери уже спустя год.

Выживать в бизнесе, подобном нашему, может только человек сильнейший и лишённый каких-либо... *сожалений*. Вроде бы в этой ситуации испытывать я должен был именно это чувство, а ещё меня должно было мучать чувство, которое люди называют *совестью*. Но совесть – это ошибка системы, из-за которой люди начинают переживать о чужих проблемах. В моем мире те, кто тратит время на жалость к проигравшим, просто долго здесь не задерживаются. Сострадание делает тебя уязвимым, а мне такой балласт ни к чему.

Мир должен крутиться вокруг самого себя, иначе в нём просто нет смысла.

– Удачи твоему отцу в Нью-Йорке, – сказал мужчина, уже направляясь к своей машине. – Слышал, крупная сделка.

– Благодарю, – ещё раз улыбнулся я. – До встречи.

И он наконец уехал, а я посмотрел на время, показываемое на циферблате моих часов. К этому времени весь дом уже, должно быть, готов к моему двадцать третьему дню рождения.

Наверняка Бобби и его компания таких же уродов, как и он сам, вместе с девицами лёгкого поведения уже сели в свои дорогие автомобили, которые они все приобрели за счёт своих папаш, и мчались в сторону Виндзора из самых элитных районов Лондона. Парни в костюмах, девочки в платьях с корсетами. И я более чем уверен, что они уже успели выпить, а значит, придут пьяные.

Я всегда предпочитал вино и никогда не доводил себя до состояния, когда человек несет бессвязный бред, теряет лицо и отключается. Для меня жизненно важно сохранять трезвый рассудок. Абсолютный самоконтроль – это правило, которому я не изменял ни разу в жизни. Алкоголь легко превращает людей в животных. Я с неким презрительным удовольствием наблюдал, как это происходит с другими, но сам никогда не позволял себе пасть так низко.

В конце концов, в любой пищевой цепи должен быть тот, кто наблюдает за стадом сверху.

– Собираетесь ли вы ехать домой, сэр? – спросил мой личный водитель.

Его звали Ламонт Редклифф, и на лице его всегда был этот отвратительный шрам на поллица, который он, как я думаю, получил в армии, когда совсем рядом с ним подорвался снаряд. Я не знал историю его жизни и о том, как он стал нашим личным водителем, да и плевать мне на всё это было, но я часто его видел, и иногда он рассказывал о своей жене, которая бросила его много лет назад, и о своих детях, которые рады бы приехать, однако охрана возле нашего дома не пропускает лишних людей в дом. Я также знал, что он получал достаточно хорошие деньги из кармана моего отца за свои услуги, и в целом я был доволен его работой.

– Да, – ответил я, убирая телефон. – Едем.

Я сел в автомобиль, водитель – за руль, и мы тронулись вперёд по ровному асфальту, которым были уложены улицы Лондона.

Вообще я посещал этот город тысячу раз, не меньше. В детстве я ездил с родителями прогуливаться по улочкам, заходить в кафе и рестораны, а потом ночью любоваться на Биг Бен и Тауэрский мост, хоть я в этом не видел никакого смысла. Помнится, отец часто удаивался чести, как он сам выражался, общаться с самой королевой Елизаветой и гордился этим так, будто сам был в числе королевской семьи, когда на самом деле дедушка с бабушкой были грёбаными алкоголиками и лишь каким-то чудом не погубили своих детей ещё в детстве. Отцу удалось вырваться из бедности, благодаря тому, что он вовремя обзавёлся полезными связями, построил бизнес, а потом познакомился с моей матерью. Они часто рассказывали, какой *романтичной* у них была свадьба, чтобы ни значил этот термин, и какими замечательными были первые дни в качестве супругов.

Я же слушал их и чувствовал себя исследователем. Я совершенно не понимал механизма этого явления. Какую химическую реакцию запускали эти блаженные улыбки, когда они смотрели друг другу в глаза? Какую практическую функцию несли их поцелуи и почему они теряли связь с реальностью, просто держась за руки?

Всё это было не для меня и не про меня. Что-то чужое и непонятное. И всё же я был обязан в этом разобраться, потому что ненавидел слепые зоны. Человеческие чувства были моим мощнейшим рычагом управления, а я не понимал, как работает конкретно *это чувство*. Из-за этого неведения контроль в таких случаях как будто ускользал из моих рук. Просачивался сквозь пальцы, как вода.

Сколько было попыток родителей найти мне девушку, с которой я видел бы желание провести всю свою жизнь. А я спросил бы их: *«Зачем эта иллюзия любви? Какой смысл привязывать себя к одному человеку, если логичнее рассматривать окружающих как ресурс? Зачем усложнять, если можно просто правдоподобно улыбнуться, забрать то, что тебе нужно, и пойти дальше?»*.

Но я не спрашивал, потому что мы с самого начала жили в разных реальностях. Они бы просто меня не поняли. Глупо пытаться объяснить овцам, почему волк не ест траву.

Машина проезжала мимо баров и клубов, и я вспоминал, как в одном из них цеплял девочек в развратных одеждах, которые и там и тут просвечивали их груди и задницы. Вспомнил, как стоило мне лишь заказать дорогой коктейль любой из них, и каждая уже была готова отсосать мне прямо за барным столом.

С Лондоном было связано многое, но помнил я гораздо меньше. Потому что многое просто старался не вспоминать. Например, тот период в моей жизни, когда отец с матерью серьёзно поссорились и разъехались на какое-то время. Мама забрала меня и поселилась в своей роскошной квартире, которую отец купил ей в качестве свадебного подарка в элитном районе Лондона.

Мы жили вдвоём.

И на этом я резко обрывал всё остальное.

Когда мысли закончились, мы уже подъезжали к особняку. Ворота открыли в мгновение, едва мы показались на подъездной дороге, вымощенной камнем.

Я вновь взглянул на часы; время к приезду людей, которых я в лицо называл друзьями, подходило. Выйдя из автомобиля, я поправил пальто, провёл руками по волосам и встретился с одной из тех девочек, которые встречали меня у порога.

Швейцар открыл мне дверь, и я вошёл в дом.

– Здравствуйтесь, мистер Максвон, – улыбнулась горничная и принялась снимать моё пальто. – Добро пожаловать домой.

– Всё готово? – спросил я.

Она оглянулась на секунду и кивнула.

Отлично.

Сперва я поднялся в свою комнату и обнаружил уже подготовленную одежду, висящую на дверце шкафа: чёрный сюртук с едва уловимым блеском, длиной до колен, с узкой талией и широкими полами, прямые брюки с узкими штанинами и белая рубашка с высоким пышным воротником, украшенная галстуком. Эта одежда казалась издевательством над комфортом, но я, идя против желания одеться как обычно, натянул штаны, рубашку и сюртук поверх неё.

Вскоре, выглядя как джентльмен викторианской эпохи, я вышел, миновал коридор, ведущую к лестнице и спустился. Я прошёл к двойным большим дверям, открыл их и оказался в гостиной – в том помещении особняка, в котором чаще всего проводил время, когда родители находились дома. Сейчас же гостиная выглядела совсем иначе.

Я почти никогда не отмечал свои дни рождения дома, предпочитая справлять их в каких-нибудь ресторанах, которые бронировал на весь день до самого следующего утра. Но на этот раз *мне хотелось пропитать свою кровать чьей-нибудь кровью*, и оттого, наверное, позвал всех сюда.

Да, я жутко хотел повторить всё.

Быстро осмотрев шары, свечи, закуски, напитки и накрытый стол в гостиной, подготовленные к празднованию, я подошёл и оторвал одну красную виноградину, которую тут же отправил в рот.

– Вы уже вернулись, мистер Максвон, – за моей спиной раздался голос, я с обернулся.

– Как видишь, Аника. – Ненавязчиво улыбнулся ей, будто рад её видеть. Хотя я и в самом деле был этому рад. Вид её золотистых волос меня странно успокаивал. – Ты отлично справилась со своей задачей.

– Вам нравится?

В голосе Аники прозвучала такая надежда, будто от моего ответа зависела её жизнь, что я улыбнулся этому факту.

Ищет моего одобрения. *Хорошая девочка, знающая своё место.*

– Да, – кивнул я. – Я не похож на человека, который может любоваться шариками, но именно это я сейчас и делаю.

Она слегка засмеялась.

– Что ж, рада, что вы остались довольны. Я очень волновалась, честно говоря, и боялась разочаровать вас.

– Очень зря.

Люблю это приторное притворство.

В ответ она мне улыбнулась, и я подметил её блестящие от радости и гордости за себя глаза. Замечательное выражение лица.

В гостиную вошла Лола. Сейчас она была одета не в привычное платье и белый фартук, а в обычную повседневную одежду. Это значило только одно – настал её выходной.

– Вы уже здесь, мой дорогой, а я как раз отправляюсь к детям, – сказала она с отдышкой, волоча за собой громоздкую сумку.

– Позвольте мне вам помочь, – предложил я и подошёл к ней, раздражаясь её жалким попыткам тащить свой багаж, который портил мне дорогой паркет.

– Спасибо! Как мило с вашей стороны.

Я отмахнулся, и мы покинули Анику.

Я дотащил сумку прямо к подъехавшему такси, ожидавшему Лолли, и помог загрузить её в багажник. Лолу так и подмывало расцеловать меня, но она ограничилась одним лишь своим поглаживанием меня по голове, как будто я был грёбаным ребёнком. Думается мне, что она пыталась относиться ко мне как к сыну, ведь мечтала однажды трахнуться с моим отцом.

– Пожалуйста, Тони, не обижайте Анику, – сказала она перед тем, как сесть в машину. – Она очень хорошая девочка.

После этого машина тронулась, и я проводил её абсолютно безупречной, вежливой улыбкой.

Возможно, Аника и в самом деле очень хорошая девочка, но как скоро эта иллюзия разобьётся вдребезги в стенах этого дома? Как быстро она поймёт, что стала моей собственностью?

С первой минуты её появления я ловил себя на том, что начинаю изучение. Её внешности, волос, глаз. Обычно я смотрел на девушек исключительно как на мясо. А в последнее время меня и вовсе преследовало жгучее желание убивать, резать, потрошить их тела, упиваясь их предсмертным ужасом.

Но с Аникой всё было иначе. Я не хотел пускать ей кровь, не хотел видеть её под собой в постели. Мой интерес к ней мутировал во что-то другое – в одержимость контролем.

Это выходило за рамки привычного шаблона. И мне ещё предстоит выяснить, в чём же тут дело.

Я простоял на улице под пасмурным небом не менее получаса. Тучи становились темнее, обещая дождь, а туман – гуще, будто превратив мой двор в кладбище. Я фантазировал,

что убиваю девочек и хороню прямо под своими ногами, а потом хожу по ним, слыша великолепное пение из могил, состоящее из мольбы пощадить. Да, я представлял, что хороню их заживо, а они потом долго кричат, моля меня о помощи. Я представлял, что стою и сжимаю между пальцев их каштановые пряди, которые срезал и оставил себе

От вырисовавшейся восхитительной картинки в голове я громко вздохнул, не желая прекращения всего этого чудесного безумия, ведь

двор теперь гудит от голосов и плача, доставляя мне истинное блаженство и...

– Энт, дружище! – раздался голос, снося стены, которые я возвёл вокруг себя, чтобы получше услышать эти крики.

Мне пришлось очнуться.

Я поднял взгляд и уставился на подъехавшие машины. И на физиономию Бобби. Распахнув свои руки, он шёл ко мне, а когда всё же приблизился, крепко обнял.

Я ненавидел объятия и терпел их всю свою жизнь, потому что людям почему-то необходимы эти нелепые тактильные ритуалы в знак привязанности к семье или друзьям. Я делал это, чтобы казаться всем «своим». Так было удобнее вписываться в общую картину мира и не отличаться от других.

Хотя я ещё с детства начал осознавать, что я другой.

– С днём рождения, братан! – Бобби хлопнул меня по плечу.

Я оглядел около десяти человек, которых он притащил в мой дом. Большинство из них я, конечно же, знал. За исключением пары девиц, которые уже откровенно оценивали меня и пожирали глазами. Мой взгляд скользнул по их платьям. Корсеты были затянуты так туго, что я, наверное, смог бы сомкнуть пальцы на их талиях. Вся эта конструкция была создана лишь для того, чтобы максимально выгодно выставить напоказ сдавленную грудь.

– Кстати, Энт, знакомься, – произнёс Бобби, притянув за плечо девчонку, чьи каштановые

каштановые

каштановые

волосы были уложены гелем назад, а поверх была надета аккуратная шляпка с сеточкой. У неё была точно такая же белая кожа, как и у того трупа, который сейчас лежал у меня в кабинете. – Это Патриша Кларк. Дочь английского магната Хантера Кларка. Ты же вроде знаком с ним, да?

– У нас было несколько общих проектов, – ответил я, а сам не отрывал взгляда от гостыи. – Приятно познакомиться, мисс Кларк. Я Энтони.

– Я знаю, кто вы, – произнесла она, ухмыльнулась мне и протянула руку, которую я поцеловал. – С днём рождения.

Она протянула мне перевязанную атласной красной ленточкой подарочную коробку с бутылкой хорошего алкоголя внутри.

Подарок. Этот взгляд. Слегка коснувшаяся губ ухмылка. Задержавшаяся ладонь, пока она вручала коробку...

Она хотела моего внимания.

Замечательно.

– Спасибо, – кивнул я, затем хлопнул пару раз в ладоши и громко добавил: – Прошу всех в дом. Нечего вам мёрзнуть на этом жутком холоде.

Мы вернулись во двор, миновали кустарники с розами и беседку. Горничные проводили нас восторженными взглядами; наверняка мы казались путешественниками во времени, прибывшими прямиком из девятнадцатого века.

Швейцар впустил нас в дом, и первым делом, когда мы достигли гостиной, Бобби подбежал к накрытому столу, с ходу жадно наливая себе дорогой коньяк. Горничные стояли чуть поодаль на случай, если кому-то понадобится помощь или же для моментальной уборки.

Зачем же я дружил с Бобби Дэллом, если мне так не нравился любой с ним контакт? Ради личной выгоды. Это была единственная причина, по которой я виртуозно разыгрывал роль славного парня. Притворялся перед окружающими дураками, что мне действительно важен весь этот сентиментальный мусор, который они называют дружбой. За годы практики я в совершенстве изучил их социальные алгоритмы, знал, где по общепринятым стандартам положено злиться, а где улыбаться и изображать восторг.

Но истинным вознаграждением за этот спектакль было упоительное чувство превосходства. Я обожал те моменты, когда очередная жертва заглатывала мою ложь. То, с какой лёгкостью и безграничным доверием они верили каждому моему слову, доставляло мне почти физическое удовольствие.

Ведь я – Энтони Максвон, сын Джека и Даяны Максвонов, создателей знаменитой британской химической компании. Они были включены в список богатейших людей по версии журнала «Форбс», о них говорили везде и всюду. А я – их идеальный сынишка, копия отца. Тот, кто унаследует многомиллиардный бизнес, женится на правильной девочке Жаклин Лоусон и наштампует сыновей, чтобы передать компанию дальше.

Возможно, так и будет. Возможно, именно по этому сценарию я и проживу свою жизнь. Но никто из этих идиотов не узнает, что я кардинально от них отличаюсь. Что я хитрее, расчётливее и умнее любого из них и расставляю их, как послушных кукол, играя по своим правилам.

Моя маска безупречна. И они никогда не увидят моего истинного лица. Даже если для этого мне придётся убить их всех.

– Потрясный ужин! – довольно поглощая еду со стола, пробормотал Бобби, одетый в тёмно-коричневый сюртук и рубашку с широкими кружевными рукавами, как у блядского принца. – Ребята, не стесняйтесь! Налетайте! Наш именинник всё это устроил специально для нас!

Он вёл себя как хозяин моего дома, и оттого у меня возникло резкое желание запихнуть всё, что лежит в тарелке, ему в глотку, чтобы он подавился и умер у меня за столом.

К слову, мы все уже сидели за накрытым столом, как цивилизованные люди, не доходя пока до похоти и секса, которые ждали нас после.

– Думаю, сперва нам стоило бы сказать пару слов о причине сегодняшнего торжества, – произнесла девушка, которую Бобби назвал Патришей. – Как считаете, мистер Максвон?

Она поднесла ко рту бокал с шампанским и сделала небольшой глоток, пытаясь по максимуму показать мне свои манеры. Она родом из богатой семьи, как и все, кто собрался сегодня, но она немного отличалась от всех. У меня не получалось заметить эту разницу, понять и увидеть её. Я лишь *чувствовал* это.

– Я буду не против, если первой поздравите меня вы, – сказал я и улыбнулся ей.

Она же ухмыльнулась и начала:

– Странно было бы желать вам побольше денег и счастья, ведь и то, и другое у вас и так уже есть. Поэтому я пожелаю вам одно: найти свою истинную любовь. Ведь все знают, что вы всегда были самым завидным женихом Англии. Стоит ли упоминать то, что все девушки мечтают занять это место?

Её речь понравилась абсолютно всем. Кто-то сообщил об этом вслух, кто-то чокнулся бокалами. А я понял вот что: она намекала на себя, в этом я был абсолютно уверен.

Родители не распространялись о нашей помолвке с Жаклин Лоусон, боясь спугнуть удачу, так что тащить девушек в постель, кормя обещаниями «позвонить утром», было так легко, что уже успело наскучить.

Но как же удобно.

– Но у Энта уже есть кое-какая... – начал Бобби, видно, желая упомянуть Жаклин, но я пихнул его в живот, так что он ни слова не сказал далее.

Мне совершенно не хотелось сегодня лишаться бурной ночи с Патришей, ведь

именно она должна сегодня ночью утолить моё желание крови. Мой голод.
Я свой выбор сделал.

Глава 8

Игрушка

Я так вымоталась, что почти не чувствовала ног.

Командовать людьми оказалось куда сложнее, чем я думала. Мало было просто раздавать указания, приходилось лично проверять каждую вещь, которую заносили в гостиную. Так что набегалась я прилично. И уже успела поблагодарить всех святых за то, что Энтони Максвон не поручил мне украшать весь дом целиком.

Лолли, – единственного, пожалуй, человека, который как-то успокаивал меня одним лишь своим присутствием, – очень не вовремя не было дома. Я словно осталась одна, хотя особняк был полон людьми.

А ещё я очень скучала по родителям. И именно под порывом сильной тоски по ним я без раздумий крепче сжала в руке телефон, села на кресло в своей временной комнате и позвонила маме через видеовызов.

Но трубку поднял папа.

– Аника! – Он искренне обрадовался, когда увидел моё лицо на экране телефона. – Как я рад тебя видеть, мы с мамой так по тебе соскучились!

– Привет, пап! – Я улыбнулась, взглянув в его невероятно добрые карие глаза.

В молодости у папы были каштановые волосы, но на сегодня они уже достаточно поседели. Кожа раньше была оливкового оттенка, но со временем из-за бессонных ночей, вызванных болезнью, она стала болезненно бледной.

Мне было до невыносимости больно смотреть на него.

– Как дела у вас с мамой? Я хотела позвонить и раньше, но...

– Я знаю, как занята ты иногда бываешь, Аника. Нет нужды в твоих извинениях.

Пару секунд я помолчала, а потом всё же спросила:

– Как мама? Где она сейчас?

– А-а, твоя мама готовит список продуктов целый день. Хочет приготовить завтра праздничный ужин.

Я заулыбалась, вспомнив о том, что завтра у них годовщина. Завтра будет ровно как двадцать пять лет с того дня, когда они впервые встретились, влюбились и почти сразу поженились.

Они были той самой идеальной парой, которой хотелось любоваться. Между ними не было ссор, разладов и обид. Папа с мамой находили общий язык в любой сложной ситуации и никогда не давали друг другу поводов для скандалов.

Я ими восхищалась всю свою жизнь.

– Мне так жаль, что я не смогу приехать, – сказала я, и мой голос заметно дрогнул. – Я очень хотела бы сейчас быть рядом с вами.

– Ну что ты, дочка. – Папа улыбнулся и шуточно провёл пальцем по экрану, имитируя такое движение, будто он вытирает мои невидимые слёзы. – Не надо расстраиваться по пустякам. Тем более что нашей с твоей мамой годовщине стоило бы пройти только между нами.

Я коротко засмеялась, поняв, что он хотел этим сказать.

– Хочешь, я позову маму? – спросил папа.

– Нет. Не отвлекай её. Я позвоню вам ещё... Пап, как там дела с лекарствами?

Он не ответил и соорудил такое выражение лица, будто я задала какой-то глупый вопрос.

– Что это значит, пап? – Я насторожилась, и улыбка с лица сползла. – Ты ведь принимаешь назначенные препараты, верно?

– Аника, со мной всё в порядке.

– Нет, пап! Тебе необходимо принимать лекарства! Неужели ты...

– Зачем?

Этот вопрос застал меня врасплох.

Я молчала минуту, прежде чем смогла собрать в себе силы и терпение, чтобы вновь заговорить и при этом не повышать голоса:

– Мистер Стил выписал целый список лекарств, которые ты обязан выпивать каждый день. Почему ты так халатно относишься к своему здоровью?

– Милая, у меня давно уже нет здоровья. От него осталось одно лишь название. И как же мне ужасно наблюдать за тем, как ты корячишься на работе, при этом учась до самой ночи, и покупаешь мне эти бесполезные препараты, словно они смогут продлить мне жизнь. Я своё уже прожил, Аника. Я не хочу, чтобы ты тратила на меня деньги.

Я не могла поверить в то, что услышала. Сперва я даже решила, что, возможно, не так всё поняла. Может, ошиблась и восприняла его слова неправильно.

– Пап, ты сейчас шутишь?

– Аника, трать свои деньги на себя, пожалуйста. Перестань покупать лекарства и позаботься о себе.

– Боже, пап! Как ты можешь такое говорить?! Мне не нужны эти деньги, если они смогут быть полезны для тебя!

Говорить спокойно уже не получалось. Я сорвалась на крик и почти в истерике пыталась достучаться до отца, но все мои слова пролетали мимо его ушей. Папа всегда был непробиваемым упрямым: если он что-то решил, переубедить его было невозможно.

– Аника, у всех есть своё время. Моё подходит к концу.

– Не говори так, пап! С чего у тебя вообще появились эти пессимистичные мысли?!

– Я просто хорошо знаю ситуацию. И ты тоже знаешь, просто боишься признаться самой себе.

Мне не хотелось больше продолжать слушать его, и я высказала другое своё мнение:

– Всё, пап. Когда этот месяц подойдёт к концу, я поеду к вам, и ты примешь все лекарства, хочешь ты или нет. – Почувствовав, как к горлу подкатил неприятный ком, я быстро добавила: – Передай привет маме и... проведите завтрашний день, как вы всегда это делали, когда я была маленькой.

Папа улыбнулся, обогреваемый приятными воспоминаниями, а я улыбнулась вместе с ним.

И на этом наш разговор подошёл к концу, а дисплей телефона погас.

Внутри поселились мрачные мысли, голову обуревало желание заплакать, ведь это казалось единственным хорошим способом избавиться от опасений и страхов. Я очень боялась потерять папу. Он был одним из лучших отцов во всём мире. Мне никогда не выдавалось возможности встретить такого же любящего свою семью, заботливого и доброго человека. Папа был таким единственным.

В каждом его взгляде, обращённом к маме, читались любовь и нежность. Он улыбался уже от того, что она просто находилась рядом. Папа никогда не сваливал весь быт на её плечи, не валялся на диване, пока она возилась с посудой или готовила сложные блюда. Он всегда был её главной опорой. Даже возвращаясь вечером со службы, он мчался на кухню, чтобы обнять жену и тут же включиться в работу, забирая часть дел на себя.

Я была самой счастливой дочерью самой счастливой пары.

И всё могло бы продолжаться также, если бы не неожиданная болезнь папы, которую вдруг возложила на наши плечи судьба. Она будто бы поглядела на нашу семью, поняла, что таких счастливых людей быть не должно, и решила подкинуть нам бесконечные дни страданий и моральных мучений.

Надеясь отвлечься, я отложила телефон в сторону и встала. До моей комнаты, в которой было очень много света и зелёных растений в горшках, доносилась музыка с первого этажа. Спокойный ужин и произнесённые громкие тосты уже закончились и началась настоящая вечеринка. Я не хотела мешаться под ногами гостей, поэтому старалась оставаться в своей комнате.

И вот, я вдруг услышала голос за своей дверью.

Конечно, мало ли, кто может сейчас проходить мимо в коридоре, однако мне почему-то захотелось проверить, что там происходит. Отчасти, наверное, потому что я услышала разговор на повышенных тонах.

Встав со стула, я медленно подошла к двери, слегка её приоткрыла и обнаружила Энтони, разговаривающего с кем-то по телефону. Скорее всего, он направлялся к своей комнате, она находилась всего через несколько метров от моей, но почему-то остановился именно здесь.

– Послушай меня, – сказал он громко, – я ведь уже сказал, что все подробные разговоры об этом я оставляю на потом.

Он помолчал немного, вероятно, слушая ответ, а затем продолжил вновь. Однако на этот раз резко изменив тон. Так резко, что мне даже показалось, будто всего за одну секунду Энтони резко подменили на какого-то другого Энтони.

– Ладно, прости. Я веду себя как полный урод. Я думаю, нам нужно встретиться. Когда ты будешь свободна?

Я чувствовала себя преступницей, пока стояла возле двери и стыдливо подслушивала чужой разговор. Но я ничего не могла с собой поделать.

Почему-то на Энтони Максвона хотелось смотреть.

И дело было вовсе не в его идеальных чертах лица. Притягивало нечто иное, скрытое глубже. Его размеренные движения, завораживающая манера речи, та абсолютная уверенность, которую он излучал... Это гипнотизировало. Я ещё никогда не встречала таких людей, настолько безупречных и оттого пугающе притягательных.

– Хорошо, договорились, – сказал он напоследок перед тем, как положить трубку.

Только сейчас я заметила в его руке бокал с вином. И, конечно же, совсем не ожидала, что он с такой силой сожмёт его, что бокал громко лопнет. Алкоголь тут же брызнул на стену, слегка попав и на висевшую картину, и полился на пол, смешавшись с кровью, которая тут же начала вытекать из, должно быть, глубокой раны на ладони.

По-хорошему, мне следовало лишь в шоке ахнуть и тихо сбежать, чтобы он не понял, что я за ним подглядывала. Но вместо этого я шагнула из укрытия, выдав себя с головой.

Энтони моментально перевёл на меня взгляд, но на его лице не дрогнул ни один мускул. Ни боли, ни удивления.

– Я принесу аптечку, – сказала я.

Он ничего не ответил, лишь продолжал с лёгким, почти холодным интересом наблюдать за мной.

В моей комнате уже заранее был подготовлен ящик с лекарствами, лейкопластырями, аппаратом для измерения давления, градусником и прочими необходимыми вещами. Я взяла антисептик, бинт и ножницы и поспешила к Энтони. Он стоял всё в той же позе и точно там же, где разбил бокал.

– Следовало бы промыть рану, – произнесла я, осматривая его руку. – В ней мог застрять осколок.

– Ты что, шпионила за мной? – спокойно спросил Энтони.

Я подняла глаза и встретилась с холодным до дрожи в позвоночнике взглядом. У него были поразительно серые глаза, напоминающие два куска льда.

– Нет, просто... просто услышала, как вы громко разговаривали по телефону.

– Значит, ещё и подслушивала?

– Н-нет... Ничего такого не было.

Секунду назад в его голосе звенела неприязнь, но внезапно он мягко улыбнулся. Этот переход был настолько резким, что сбивал с толку. Энтони перевёл взгляд с моего лица на свою окровавленную руку, которую я всё ещё держала в ладонях.

– Давайте я сделаю перевязку. – Я быстро опустила глаза обратно к его руке, чтобы он вдруг не заметил, как судорожно я слотнула. – Но вам всё же нужно будет её затем промыть. Сейчас главное – остановить кровь.

– Как это мило с твоей стороны, – мягким полушёпотом протянул Энтони. И вдруг добавил тоном, от которого волоски на руках встали дыбом: – Хорошая девочка.

Его слова вдруг заставили моё сердце стукнуть пару раз намного громче, чем обычно. Я даже опешила, но попыталась, по крайней мере, как можно быстрее взять себя в руки и понять, что ничего такого страшного он ведь не сказал.

На нём была белая рубашка с пышным воротом, заправленная в чёрные брюки. Сюртук, который я ранее на нём видела, судя по всему, он уже снял внизу. Ещё я почувствовала лёгкий запах алкоголя вперемешку с одеколоном: Энтони был явно слегка пьян.

Быстро обработав рану антисептиком и завязав бинт на его руке, я отстранилась.

– Есть ли у вас ещё какие-нибудь поручения для меня, мистер Максвон? – Я очень постаралась, чтобы мой голос вдруг случайно не дрогнул.

Он сделал неторопливый шаг ко мне. Его скользкий взгляд прошёлся по моему лицу.

– Да. Составь мне компанию.

Я удивлённо на него посмотрела.

– Но у вас столько друзей. Мне кажется, я буду мешаться...

– Ты работаешь на меня, выполняешь мои задания, и за это ты получишь деньги в конце этого месяца. Так вот, только что прозвучало одно из этих самых заданий. Ты не можешь отказаться, если хочешь продолжать тут работать.

Это прозвучало так властно, что по коже побежали мурашки. В эту секунду я физически ощутила, словно он – король этого места, а я лишь бесправная служанка, обязанная исполнять любую его прихоть.

Внутри всё протестовало от такого унижительного тона, но я стиснула зубы. Вспомнила об отце, проглотила гордость и смиренно кивнула.

– Умница. – Энтони улыбнулся, отстранился и бросил проходившей мимо горничной: – Уберите стекло возле перил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.